

The background of the cover is a soft, blue-toned photograph of a landscape. In the upper center, a castle with several spires and towers sits atop a hill, partially shrouded in mist. Below the castle, the terrain slopes down into a valley with rolling hills and fields. The overall atmosphere is dreamy and ethereal, with a cool color palette dominated by blues and greys.

УБЕЙ МЕНЯ НЕЖНО

ВАКИЛОВА ЮЛИЯ

Юлия Вакилова

Убей меня нежно

«Издательские решения»

Вакилова Ю.

Убей меня нежно / Ю. Вакилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839704-2

В мире, где идет война между людьми и вампирами, никогда не протягивай руку помощи врагу. Эту нехитрую истину не посчастливилось проверить на себе человеческой девушке, спасшей умирающего вампира. Но едва ли наивная принцесса могла представить тогда, какую цену ей придется заплатить за этот поступок. И насколько безжалостной окажется благодарность врага...

ISBN 978-5-44-839704-2

© Вакилова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	37
Глава седьмая	45
Глава восьмая	49
Глава девятая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Убей меня нежно

Юлия Вакилова

Дизайнер обложки Лена Павлова

© Юлия Вакилова, 2017

© Лена Павлова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9704-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Девушка бежала по лесу, не разбирая дороги; мелкий дождь оставлял влажные следы на одежде, ветки хлестали по лицу, но она не замечала ничего. В тот момент ей хотелось лишь одного: оказаться как можно дальше от тронного зала, забыть, стереть из памяти сухой и скрипучий голос советника отца, сообщавшего неутешительные вести с поля битвы. Человеческое войско потерпело поражение. Большие половины воинов уже никогда не вернутся домой, а многих так и не смогли отыскать. И одним из пропавших стал обожаемый старший брат Трианы, единственный, кто её по-настоящему любил и опекал, невзирая на запреты и порицания отца...

«Мой славный Дэйк», – я с тоской шептала родное имя, ловя пересохшими губами редкие капли дождя. Обычно даже простое звучание имени брата дарило умиротворение и наполняло сердце теплом, но сейчас от него веяло отчаянием. «Как же мне тебя не хватает! Я знаю, точно знаю, что ты жив, что мы обязательно еще встретимся!» – я твердила себе вновь и вновь, всей душой желая в это поверить.

Война... Насколько безразмерной была сейчас моя ненависть даже к одному этому слову, за которым скрывалась бездна боли и отчаяния! Не было и не могло быть оправдания виновнику, человеку, её развязавшему, – пусть даже он приходится мне родным отцом.

И прежде люди и вампиры редко жили в мире – так уж постаралась природа, создав и наградив человеческие создания тем, что было столь необходимо вампирам, – кровью. Хищники и их жертвы по определению не могли сосуществовать мирно, но только во времена правления Киарана де Леона пропасть между двумя народами разверзлась в настоящую бездну.

Война началась давным-давно, когда я была ребенком, и потому неудивительно, что воспоминаний о том времени у меня не осталось. О причинах её я знала лишь по многочисленным рассказам придворных учителей, и официальная версия гласила, что вампирские войска без предупреждения, нарушив хрупкое перемирие, вторглись на территорию нашей страны, подчистую вырезав сразу несколько приграничных городов. Однако существовала неприглядная изнанка, в которой мой отец играл ключевую роль. Об этом мне удалось узнать, как-то услышав разговор слуг, которые не знали, что их юная госпожа не заснула, как им думалось, а прислонилась ухом к дверной щели и жадно слушала. Семья одной из служанок проживала в одном из тех городов, что были уничтожены при нападении вампиров. Сквозь тихие женские рыдания прорывались торопливые слова, и их ужасающий смысл заставил испуганную меня примерзнуть к месту, забыв даже о страхе быть обнаруженной. Король Киаран, при восхождении на престол обещавший сохранить и приумножить наследие своего отца, положившего жизнь на достижение перемирия с врагами, со временем позабыл про все свои клятвы. И в один из дней, для многих жителей ознаменовавший конец спокойной жизни, он повелел собрать всех годных по возрасту и силе мужчин, способных держать оружие в руках, и отправил их на верную смерть.

Это ошеломляющее воспоминание врезалось в детскую память, оставшись невероятно четким даже спустя прошедшие годы.

Что могло заставить отца решиться на подобное безрассудство? На что он надеялся? Неужели поддержка короля соседнего государства – весьма слабого и нерешительного союзника, как показала практика, – заставила его поверить в собственное всемогущество?

Я часто пыталась понять тот роковой для страны ход мыслей короля, задумчиво глядя, как он распекает очередного командующего армией, менявшихся так часто, что я даже не успевала запомнить их лица. Ведь когда-то он казался своим подданным мудрым правителем, достойным наследником своего отца, – что же заставило его так сильно измениться?

Как бы то ни было, вампиры не простили людям вероломства. После этого нападения на страну обрушилась орда врагов, более не ограничивающихся условиями мирного договора. Дети, женщины, старики – враги забирали всех без разбора, кого-то выпивая прямо на месте, в собственных жилищах, а кого-то забирая с собой в качестве живого корма, и неизвестно, какая из частей была милосердной. Приграничные поселения опустели, люди боялись селиться на севере, и через страну хлынул поток беженцев. Удивительно, но вампиры не ставили целью уничтожить всех, точно играясь с людьми и наслаждаясь их ужасом: они нападали то на одну часть страны, то на другую, вырезая целые города, но непременно оставляя кого-то в живых, дабы те могли донести до столицы ужасающие вести, однако до самой сердцевины страны, до главного города никогда не доходили. Поговаривали, что причина такому поведению – постоянные распри между многочисленными вампирскими кланами, изнутри вносившие раскол в стан противника.

С момента начала войны прошло больше десяти лет, и за этот срок страна погрузилась в хаос и нищету. В последнее время все чаще стали звучать сообщения о появлении врагов в опасной близости к столице, но знать усиленно делала вид, что все в порядке, и лишь спешное переселение семей придворных в окруженный стеной город заставляло подозревать об истинном плачевном состоянии дел. Появлялись те, кто требовал от короля принять меры и положить конец кровопролитию, но их голосов было недостаточно, чтобы заставить правителя к ним прислушаться.

Этой информацией щедро делился мой верный друг, кто единственный сумел увидеть за громким титулом принцессы меня саму. Меллан прислуживал в конюшне, заботясь о лошадях с таким желанием и отдачей, что даже суровый старший конюх благосклонно относился к парню, позволив тому поступить на службу в королевские конюшни. Смуглый, высокий и гибкий, словно тростина, Мел постоянно находился в курсе всех новостей, поражая меня осведомленностью и собственным мнением, зачастую идущим вразрез со всем, что до меня усердно пытались донести учителя.

За этими безрадостными размышлениями я и не заметила, как забрела в самую глухую часть парка, вот уже несколько лет старательно избегаемую всеми королевскими садовниками. Слуги пользовались рассеянностью короля, все свое внимание уделявшего лишь войне и только ей, и потому и сад, и прилегавшие к дворцу территории – и даже сам королевский дворец! – обслуживались с откровенной леностью.

Этот лес совсем не походил на излюбленные мной златолиственные рощи, в которых так приятно было гулять осенней порой. Скорее напротив: деревья здесь тянулись изломанными силуэтами к грязно-серому небу, редкие кусты чахлой травы совсем не скрывали пересохшей и потрескавшейся проплешины земли. Если бы не отчаяние, овладевшее мной из-за подслушанной новости, я бы не забрела так далеко.

Остановившись, я растерянно огляделась, отмечая, что в этом унылом пейзаже сегодня было что-то не так. Сломанные ветки, беспорядочные следы лошадиных копыт красноречиво свидетельствовали, что совсем недавно здесь произошла яростная схватка. И это неподалеку от королевского дворца!

Королевской дочери менее всего пристало находиться здесь, и еще менее – делать то, что сделала я, однако чрезмерное порой любопытство всегда было моей слабостью. И главной бедой, как любил приговаривать король в те редкие минуты, когда замечал меня.

Осторожно обогнув ближайшие деревья, я сделала робкий шаг вперед – и потрясенно замерла от увиденного.

В самом центре поляны на пожелтой осенней листве беспомощно распростерлись тела отцовских воинов, навсегда застывшие в причудливых позах смерти. Покоренные доспехи не смогли уберечь своих хозяев, глубокие раны зияли на останках мужчин, и от вида развороченной плоти к моему горлу вдруг подкатил тошнотворный комок. С какой силой нужно было

вонзить меч в человеческое тело, чтобы он сумел пробить плотную пластину металла и выйти насквозь?

С трудом оторвав ошеломленный взгляд от воинов короля, я увидела чуть в стороне, прямо на орошенной людской кровью пожухлой траве несколько других тел. Вот только принадлежащих отнюдь не людям, а их главным врагам – вампирам.

Я несмело шагнула вперед, чтобы приблизиться и как следует рассмотреть тех, кем с детства пугают всех человеческих детей, но внезапно пришедшая мысль заставила остановиться: произошедшее недолго пробудет тайной, и совсем скоро здесь могут появиться люди отца, встречи с которыми мне никак нельзя было допустить. Ни к чему было сейчас давать королю лишний повод обвинить свою нелюбимую дочь в непослушании, а то и в попытке измены – в зависимости от того, насколько дурным окажется настроение владыки. А после увиденного мной здесь оно по определению не сможет быть хорошим.

Впрочем, моя заминка продлилась ненадолго. Разве можно было побороть желание хотя бы одним глазком взглянуть на врага, о котором я слышала столько ужасающих историй, но которого не видела никогда в жизни? Я вот не смогла.

Осторожно обойдя тела королевских воинов, я робко подошла к двум неподвижным фигурам, казалось, навсегда замершим в агрессивных позах, стремясь до последнего защищать своего господина. Богатая тяжелая кольчуга первого была пронзена и порвана копьем, на лице запеклись полосы крови – прежде я слышала, что кровь вампиров синего цвета, потому с любопытством вгляделась, отстраненно подумав, что Меллон будет разочарован, узнав правду.

Интересно, как же людям все-таки удалось победить? Все ли воины короля погибли в этой схватке или же кто-то сумел уцелеть и сейчас находится на пути к своему господину, чтобы доложить о произошедшем нападении? Эта мысль заставила меня заторопиться, дабы успеть вернуться во дворец прежде, чем меня обнаружат.

Я бросила короткий взгляд на второго вампира, уже предчувствуя, что увижу, однако крохотная деталь, прежде ускользнувшая от внимания, вдруг заставила меня отшатнуться. Я в ужасе прижала ладонь ко рту, ловя потрясенный вскрик, готовый сорваться с губ. Увиденное настолько противоречило всему, что я слышала о поведении врага, что в первый миг даже подумалось, что зрение, наверное, подводит меня. И белые трилистники, слабо мерцавшие на груди вампиров, – всего лишь плод чересчур богатого воображения. Но увы. И второй, и все последующие взгляды подтвердили немыслимое. У каждого из врагов на груди находился знак, символизирующий мирные помыслы и отсутствие захватнических намерений.

Я почувствовала, как меня вновь охватывает чувство бессильной ярости, непонимания и гнева, вызванные коварством отца. Сколько раз я становилась бессильным свидетелем его жестокости, и всякий раз я думала, что поразить сильнее он меня уже не сможет. Но король вновь и вновь доказывал мне, как я ошибалась.

Неужели вампиры прибыли на нашу землю с целью переговоров? Возможно даже для заключения столь необходимого перемирия? Но король Киаран вероломно решил избавиться от них, нарушив тем самым негласное правило, главный военный закон – никогда не нападать на тех, кто пришел с миром. Я могла лишь гадать о причинах, побудивших отца вновь совершить столь низкий поступок, но скорее всего нежелание признавать поражение сыграли с его разумом злую шутку. Меня давно посещали смутные опасения, что за годы непрерывных сражений король давно уже потерял былую хватку и острый ум, которым когда-то славился. И более того – не раз и не два в помутневших от времени глазах короля мне чудились отблески безумия.

Однако отец явно недооценил силы противника – даже целый отряд элитных воинов, специально натасканных на истребление народа тьмы, оказался бессилён против всего трех представителей этой расы.

Я смотрела на застывшие тела воинов и испытывала жалость, сожаление и скорбь. Последнее чувство относилось не столько к поверженным врагам, сколько к своему народу, которому придется дорого заплатить за совершенную их королем подлость.

Внезапно прямо за моей спиной раздался протяжный стон. В первое мгновение я испуганно отшатнулась, не понимая, как такое возможно, а затем, осознав, что кто-то из вампиров еще жив, совершила непростительную, вопиющую глупость, за которую, наверное, король Киаран голыми руками задушил бы безрассудную дочь.

Но в ту минуту мне было безразлично все на свете: мнение отца, узнай он о моем поступке, последствия этого спонтанного порыва, и даже то, что по определению чудом оставшийся в живых вампир – мой заклятый враг. Единственное, чего мне отчаянно хотелось в эту минуту, – чтобы план короля провалился, и этот иноземец выжил! И я была полна мужества приложить для этого все усилия.

Итак, я бросилась к вампиру, полная намерений сделать все, чтобы ему помочь, но стоило мне взглянуть в бледное лицо воина, как моя воинственная решимость улетучилась, оставив вместо себя искреннее потрясение.

Отчего? Да потому что даже на краю жизни и смерти, в окровавленных доспехах и с зияющей раной на груди он был пугающе красив. И это неожиданное открытие заставило меня растеряться.

«Разве это справедливо – наделить живое существо столь совершенной красотой?» – оторопело размышляла я, разглядывая четкие линии лица, светлую кожу, в эту минуту казавшуюся мертвенно-бледной, широкие скулы, темные взлохмаченные пряди, закрывавшие высокий лоб.

Еще ни один человек не вызывал во мне таких странных чувств. Казалось, я могу стоять здесь целую вечность, просто наблюдая, впитывая в себя каждый изгиб, каждую черту. От вампира за милую несло опасность, но даже это не могло заставить меня отступить. Будучи не в состоянии совладать с собой, я осторожно протянула руку к его лицу, желая узнать, какова его кожа на ощупь: так ли она гладка и прохладна, как и на вид, – но в этот момент враг резко открыл глаза.

Несмотря на далеко не юный возраст – мне уже исполнилось восемнадцать, – я всегда казалась младше своих лет. Это и неудивительно: хрупкая фигурка, копна темных волос и просто вселенская неуклюжесть! Действительно, не проходило и дня без очередной травмы, все во дворце знали об этом и тихонько посмеивались, а придворный лекарь сколотил неплохое состояние, каждый раз врачуя мои синяки и ушибы. Один лишь Дэйкас искренне беспокоился и заботился обо мне, защищая перед отцом, который как-то после очередного неудачного падения грозился запереть меня в башне.

Отец... Почему же так получилось, что мы с ним совершенно чужие? Может от того, что супруга давно покинула его, и, глядя на ее миниатюрную копию, он каждый раз вспоминал о ее предательстве? Или из-за того, что дочь не оправдала ожиданий и не собиралась становиться безвольной пешкой в его политических играх? В любом случае, наши отношения превратились в открытое противостояние, и обратного пути уже нет. Если бы не навязчивая одержимость войной, король давно бы выдал меня замуж и отправил куда-нибудь с глаз долой, но мне везло: слишком занятый сражениями и битвами, отец едва ли помышлял о браках для своих отпрысков. Конечно, это везение не могло длиться бесконечно, и я могла лишь надеяться, что когда-нибудь избранный им мужчина окажется добр ко мне.

Но сейчас, заворочено глядя в пронзительно черные глаза незнакомца и практически утопая в их беспросветной мгле, я внезапно подумала, что если бы хоть один из моих так называемых поклонников обладал подобным взглядом... В этот момент, не позволив мне додумать эту странную мысль, на искривленном от боли лице вампира промелькнула слабая презритель-

ная усмешка. Испытываемое потрясение легко читалось в моем взгляде, и, похоже, я была далеко не первой человеческой девушкой, очарованной внешностью врага.

Именно осознание этого факта и помогло мне собрать остатки воли в кулак и сосредоточиться на главном. Нет, я не хотела становиться предательницей своего народа, но и оставить беспомощного раненого – пусть и врага – не могла.

«Это просто чувство вины за вероломство отца», – убеждала саму себя, пытаясь приподнять далеко не эфемерное тело вампира. «Мне совершенно нет дела, какие у него глаза», – продолжала тихо бубнить себе под нос нелепые оправдания, которые вампир уже не мог услышать: предмет моих размышлений некоторое время назад потерял сознание, по-видимому, не выдержав такого обращения с его драгоценной персоной. Но я действительно не смогла придумать ничего лучше, кроме как спрятать вампира в укромной пещере, где в детстве я часами пряталась от надоедливых нянюшек и кормилиц. Пещера эта располагалась не так далеко отсюда, в южной части парка, однако главной проблемой оставался вопрос, как переместить туда врага. Решила я его незамысловато: ухватив поудобнее мужчину за руки, я тянула его за собой, надеясь, что подобный способ транспортировки не усугубит его ранение.

Спустя час такого передвижения по осеннему лесу я могла лишь мечтать хотя бы о минутной передышке: руки и ноги болели с непривычки, а наряд для прогулок давно потерял былую нетронутость и сейчас представлял собой жалкое зрелище. Однако страх быть обнаруженной королевскими воинами не позволял останавливаться, понуждая с трудом, но снова и снова передвигать ноги. Наконец, неподалеку показались силуэты двух раскидистых деревьев, еще не сбросивших золотистую листву, и это открытие придало мне сил. Они росли у самого входа в пещеру, надежно скрывая его от постороннего взора, и, значит, я была у самой цели.

Пещера ничуть не изменилась за то время, что я не приходила сюда, лишь только прибавилось паутины по стенам да пыли на холодном каменном полу. Когда-то я, прячась от назойливых нянек, притащила груды одеял, мечтая провести здесь ночь, но время отнеслось к ним без жалости, превратив когда-то добротную ткань в ворох полуистлевшего тряпья. Однако выбора не оставалось: из последних сил я затащила бесчувственное тело вампира внутрь и с облегчением оставила его прямо в тряпичных останках, сопротивляясь желанию рухнуть прямо на пол.

«Триана, сейчас никак нельзя расслабляться», – подбадривая саму себя, я осторожно спустилась к небольшой низине у дальней стены, где когда-то пробежал небольшой ручеек, проложивший свой путь сквозь камни. Мне повезло, и он все еще оставался здесь, заметно раздавшись вширь за время моего отсутствия.

Жадно прильнув губами к прохладной воде, дарившей столь необходимые сейчас силы, я не останавливалась до тех пор, пока не поняла, что уже утолила жажду. И теперь настала пора позаботиться о раненом вампире, ведь совсем скоро люди отца начнут выяснять, удалось ли им воплотить свой подлый план в жизнь, и, не обнаружив одной из цели, начнут её искать. А уж следов после моего неумелого перемещения вампира осталось предостаточно.

Сделав глубокий вздох, я вернулась к раненому, неподвижно лежащему на том же самом месте, где его оставила. Оглядев мужчину растерянным взглядом, я решила начать с кольчуги. С ней пришлось изрядно повозиться, и когда, наконец, плотные звенья распались, позволив металлической сетке распасться, обнажив широкую грудь, все мои пальцы оказались стерты до крови.

Осторожно опустившись на колени рядом с вампиром, я сдвинула в сторону обрывки когда-то явно богатого камзола и испуганно замерла, боясь прикоснуться к огромной рваной ране на его теле.

«Триана, тебе ведь не впервой видеть раненого – пусть и не совсем человека... Сколько раз за последнее время ты помогала лекарю при операциях, лечила, делала припарки и микстуры?» – я мысленно успокаивала саму себя, пока руки ловко делали свою работу: убрали

обрывки ткани из раны, осторожно протирали прохладную бледную кожу повязкой, которая еще час назад являлась частью моей нижней юбки.

А между тем я со страхом замечала, как вампиру становится все хуже: лицо приобрело серый землистый оттенок, дыхание стало совсем редким и прерывистым, мужчина до сих пор не приходил в сознание, что было совсем дурным знаком... Как же в тот момент я жалела, что так мало о них знаю! В памяти мелькали лишь обрывистые упоминания о том, что они не бессмертны, обладают силой, большей чем человеческая, питаются кровью...

Кровь! Вот ключевое слово!

Я даже вскочила на ноги, радуясь найденному выходу.

Но как только на место возбуждению пришло осознание, как именно мне предстояло поступить, радость от открытия бесследно испарилась. В растерянности остановившись в центре пещеры, я молчаливо смотрела на своего врага, пытаюсь найти причины, почему же не могу просто взять и оставить его здесь? Он – враг, и я не должна была даже пытаться спасти его, но отчего же тогда гляжу на него и понимаю, что уже давно приняла решение и сделаю все, что в моих силах, для того, чтобы он остался жив?..

Точно наблюдая эту картину со стороны, я видела, как бледная, словно полотно, темно-волосая девушка робко приблизилась к неподвижному мужскому силуэту и опустилась подле него, трясущимися руками достала из-за пояса мужчины кинжал, украшенный драгоценными камнями, и медленно поднесла к своему лицу.

На меня, отражаясь в серебристом блеске металла, в упор смотрели знакомые темные глаза, в которых читался молчаливый вопрос: сумею ли? Не дав себе времени на раздумья, я резко полоснула по запястью. Кровь – горячая, густая – тяжелыми каплями заструилась по руке, оставляя алые дорожки на коже. Отогнав уже ненужные в этот момент сомнения, я приблизила запястье к губам вампира, надеясь, что не опоздала.

Я чувствовала, как стремительно стучит мое сердце, отсчитывая секунды.

Одна... Вторая... Третья...

Вампир лежал столь же неподвижно и безучастно, и лишь его хриплое дыхание раздавалось под сводами пещеры. Я сглотнула, чувствуя, как непрошенные слезы комом стоят в горле.

Секунда... Еще одна...

Одинокая слезинка, не сдержавшись, все же скользнула по моей щеке, оставив влажный след, чтобы упасть на плечо мужчины.

Удар сердца... Еще один...

Кажется, прошла целая вечность до того момента, когда вампир слабо пошевелился и, наконец, приоткрыл свои губы, позволяя моей крови струйками бежать по ним.

Я облегченно улыбнулась, наблюдая, как мужчина с видимым трудом распахнул мутные глаза, первые мгновения, по-видимому, не понимая, где находится и что с ним.

Мелькнула мысль заговорить с ним, рассказать, что он в безопасности, и я хочу лишь помочь ему, но враг, которого я столь усердно спасала, не позволил мне ничего больше сделать. Как только его взгляд обрел осмысленное выражение, означавшее, что раненому становится лучше, вампир принялся действовать самостоятельно, грубо и беспощадно.

Неожиданно резким и сильным движением, которое я никак не могла ожидать, он схватил мою руку и рванул к себе, впиваясь зубами в кровоточащую рану.

Вспышка боли и страха ослепила меня. Ужас, беспомощность и обида – все смешалось в один клубок, сплелось и навалилось с такой силой, что единственное, на что я оказалась способна, – это издать слабый стон. Все попытки пошевелиться, вырвать руку из плена оказались напрасны: против этой железной хватки я была бессильна.

Мне оставалось только молиться, но на этот раз лишь о том, чтобы самой остаться в живых...

Глава вторая

Клыки вампира безжалостно впивались в запястье, вытягивая мою жизнь с каждой новой каплей крови, а я ничего не могла сделать, не могла остановить собственное убийство. Злые слезы скатывались по щекам, но я даже не могла стереть их с лица, и могла лишь чувствовать, как с каждым глотком мужчины силы медленно меня покидают, а на смену горечи приходили безразличие и апатия...

Мелькнула сонная мысль, что моя ничемная жизнь закончится столь же бесславно, как и прошла. Что я сумела сделать за отмеренное мне время? Ничего.

Внезапно вампир оторвался от моей руки. Это оказалось неожиданностью – ведь я все еще была жива! – но мелькнувшая сначала мысль, что и врагу не чужда благодарность к своей спасительнице, без следа испарилась в следующее мгновение, когда мужчина резко вскинул голову и прислушался к чему-то снаружи. Я тоже попыталась последовать его примеру, но бесполезно: что бы он там ни услышал, это было слишком тихо для моего человеческого слуха.

Внезапно вампир резко оказался на ногах, и это стало еще одним потрясением – насколько стремительным было его выздоровление! А ведь еще несколько минут назад он находился на грани жизни и смерти, и мысль о невозможности ему помочь горчила на языке и приносила отчаяние. Неужели любой воин их расы мог столь быстро восстанавливаться за счет человеческой крови? Если это действительно было так, то неудивительно, что в этой войне у людей не было никаких шансов на победу.

Я бессильно распростерлась у ног мужчины, но он даже не бросил на меня и взгляда: лицо его было сосредоточено, словно он решал в уме какую-то сложную задачу, а тело напряжено, точно готовясь к бою.

На то, чтобы осознать беспощадную истинность этого предположения, потребовалось всего несколько ударов сердца, за которые враг уже одним стремительным движением оказался на другом краю пещеры, прямо около выхода.

И только в этот момент я услышала знакомые звуки: приглушенные человеческие голоса, осторожные шаги по ковру из листьев, отдаленный лай собак. Мне хотелось закричать от ужаса, предупредить королевских воинов – а это, судя по всему, были именно они! – об опасности, но не осталось сил даже на малейший звук. Кровь из раны не останавливалась, уже образовав небольшую лужицу на полу, и я чувствовала, как сознание неумолимо гаснет и тускнеет картинка перед глазами, а все звуки становятся далекими и такими нереальными.

Разум бесстрастно отмечал, как мой враг бесшумно скользнул к выходу, а спустя всего несколько секунд тревожную тишину леса разорвал чей-то громкий крик ужаса, тут же сменившийся булькающим кашлем, словно несчастному разорвали горло. После этого воздух словно взорвался звуками: испуганное ржание лошадей, звон мечей, лай собак, предсмертные стоны умирающих людей. Я предчувствовала неизбежный финал этой схватки, и могла лишь беззвучно оплакивать людей, что сейчас умирали по моей вине там, перед пещерой.

Наконец, наступила тяжелая скорбная тишина.

Я, словно в полусне, смотрела на расплывчатый свет, идущий от входа в пещеру, когда его на секунду загородила чья-то тень. Внезапно картинка стала четкой: я беспомощно наблюдала, как мой убийца медленно приближается, но не могла даже пошевелиться, зачарованная его плавными и смертоносными движениями. Опомившись, лишь когда он уже приблизился вплотную, рассматривая свою жертву, я из последних сил подняла голову – и вновь растворилась во взгляде вампира. В его глазах уже не буйствовала беспощадная мгла, как то было раньше. Сейчас в них переливалось расплавленное золото, лился яркий свет, но он не согревал теплом, а обжигал усмешкой и презрением.

Из последних сил стремясь удержаться на грани сознания, я вернула ему полный презрения взгляд, отказываясь услаждать его взор открытым признанием своего поражения. Да, мой поступок оказался сущей глупостью, и последствия его стали роковыми не только для меня, но и для нескольких ни в чем не повинных людей, чьи тела остались лежать перед пещерой. Но я не стану унижаться и молить о пощаде того, кто по определению не может испытывать снисхождение к кому-либо. Никогда раньше я не ощущала в себе королевскую кровь столь отчетливо как сейчас, но пусть лучше мой враг смотрит на меня с презрением, чем с жалостью.

Неизвестно, что именно вампиру удалось рассмотреть в моем взгляде, но выражение его лица на мгновение переменялось. А, может, мне только это показалось? Увы, угасающее сознание с трудом отличало реальность от зыбких видений приближающегося забвения.

В следующий миг под сводами пещеры раздался бархатистый тягучий голос, и я в очередной раз почувствовала легкий укол разочарования: ну почему все в моем враге было совершенно? И облик, и голос – вампир вполне мог сойти за идеал какой-нибудь романтично настроенной девицы, воспитанной на любовных романах и рассказах подруг – если бы не количество жертв за его спиной.

– Мне следовало бы поблагодарить тебя за спасение, человеческая девушка. Однако того, что я не стану тебя убивать, будет вполне достаточно.

Я смотрела на него изумленными глазами, не веря своим ушам.

Не дождавшись ответа, враг надменно продолжил:

– Люди... Лживые, жалкие существа, не годные ни на что другое, как в пищу! – он зло усмехнулся, став еще больше похож на опасного хищника, кем, по сути, и являлся. – То, что произошло сегодня, еще раз доказало, что верить вам нельзя. Как и оставлять в живых. Так что если у тебя есть хотя бы капля разума, человечиска, то беги, спасайся, пока я позволяю.

– Почему? – хрипло выдавила из себя, не в силах постигнуть его слов. Почему он оставляет мне жизнь, хотя считает причастной к предательству короля и его воинов?

– У тебя плохо со слухом? Я же сказал, что тем самым выражаю свою признательность, – с уже откровенной издевкой продолжил мужчина. – Или тебя не устраивает подобная благодарность? Нужно что-то другое? Извини, я не силен в этих ваших людских традициях.

Он откровенно наслаждался моим замешательством. Под прицелом его взгляда – безжалостного и цепкого – я ощущала себя жалкой мошкой, попавшей в липкую сеть паука.

– Ах да, кажется, я начинаю понимать, что ты от меня ждешь, – его глаза зло смеялись, но выражение лица была непреклонно. – Вы, человеческие женщины, такие предсказуемые... – с этими словами он медленно наклонился ко мне, пока его глаза не оказались прямо напротив моего лица.

Разум кричал, что я должна отодвинуться как можно скорее, дабы сохранить жалкие крупички гордости, а душа... Душа застыла в трепетном восторге и одновременно ужасе от того простого факта, что я могу рассмотреть лицо мужчины в мельчайших подробностях. Черные волосы на алебастровой коже так и просили откинуть их, освободить высокий лоб из невольного плена небрежно упавших прядей, полные губы кривились в недовольной гримасе, выражая истинное отношение врага к сложившейся ситуации.

Вампир подступил еще ближе, откровенно наслаждаясь бешеным биением моего пульса, заполнившего, кажется, все пространство ставшей такой тесной пещеры. Рот мужчины вплотную приблизился к моим губам, и я даже успела ощутить чужое дыхание на своем лице, прежде чем трусливо прикрыла глаза.

Время остановилось. Быть может, в том были повинны события сегодняшнего дня: новость об исчезновении брата, очередная подлость отца, последовавшая за этим открытием попытка спасения вампира, а затем стремительный переход из спасительницы в жертву, – но я уже не могла отличить явь от бреда.

Сознание смешалось, запреты, мораль, страх, чувство вины – все отступило перед ставшим вдруг непреодолимым желанием ощутить вкус первого в моей жизни поцелуя.

Не в силах больше оттягивать этот момент, я робко потянулась своими губами к его... и ощутила пустоту. На то, чтобы осознать, что я только что натворила, ушла всего лишь секунда. И в этот момент раздался холодный смех, прокатившийся по коже мурашками. Распахнув глаза, я увидела, как мужчина, запрокинув голову, громко и презрительно смеется. Никогда в жизни я не испытывала такого сильного желания провалиться сквозь землю, как сейчас. До крови впившись ногтями в ладони, я сдерживалась из последних сил, чтобы не зарыдать в полный голос от унижения и стыда.

– Надеюсь, это послужит уроком. Разве тебя не учили, что принимать поцелуи от незнакомого мужчины – как минимум неприлично? – отсмеявшись, лениво протянул он, выпрямляясь в полный рост. – Считаю, я оказался слишком хорошо воспитан.

По-видимому, посчитав наш разговор законченным, враг неторопливо двинулся к выходу. Когда до него ему оставалось сделать шаг, я произнесла глухим и безжизненным голосом в горделиво выпрямленную спину:

– Я вас ненавижу.

Вампир даже не обернулся, хмыкнув:

– Это меня более чем устраивает.

И это стало последним, что я услышала, перед тем, как провалиться в непроглядную тьму, приветливо распахнувшую для меня свои объятия.

Темнота перестала казаться радушной, и только тогда я начала различать слабые звуки, идущие откуда-то извне. Тихие приглушенные голоса где-то рядом, поспешные шаги, отдающиеся гулким эхом в пустом сознании.

Мысли путались и разбегались, воспоминания обрывками кружили в голове, понемногу выстраиваясь в целостную картину: вот я бегу в слезах по лесу, затем появляется поляна с убитыми, раздается чей-то стон, и тогда я вижу вампира... Разом вспомнив всё, я резко распахнула глаза и немедленно пожалела об этом, – тусклый утренний свет нещадно резанул по глазам, вызывая невольные слезы. Зато знакомая обстановка подействовала умиротворяюще: я находилась в своей собственной спальне, и можно было легко вообразить, что все произошедшее, – всего лишь сон, если бы не наличие сразу нескольких посторонних людей рядом.

– Моя госпожа! Какое облегчение! Наконец-то вы очнулись! – пожилой лекарь засуетился вокруг, меняя прохладные компрессы на моем лбу, не прекращая назойливой болтовни, из которой едва ли я понимала хотя бы половину: – Вы потеряли так крови, что мы уже начали опасаться самого страшного исхода...

– Сколько я находилась без сознания? – я с трудом выдавила из себя всего одно предложение. Слова оцарапали пересохшее горло, точно огромные булыжники, и понятливая служанка тотчас же подскочила, поднося бокал с прозрачной жидкостью. Не передать, каким божественным нектаром в тот момент мне показалась обыкновенная вода!

– Да без малого три дня прошло с того момента, как вас нашли... – на этих словах лекарь внезапно запнулся и совсем невпопад закончил: – Но сейчас вам необходим покой и только покой! Набирайтесь сил, а я пока пошлю кого-нибудь сообщить Его Величеству, что вы наконец-то пришли в себя! Как он будет рад!

Я молчаливо кивнула на эти слова, однако на деле испытывая весьма серьезные сомнения в услышанном. С трудом напрягая онемевшую шею, я проводила лекаря взглядом, и погрузилась в невеселые размышления, не обращая внимания на застывших у стены служанок, готовых подбежать по первому зову. Сильнее всего сейчас меня должен был волновать предстоящий разговор с отцом, ведь наверняка его люди уже восстановили ход событий, и моя роль в них была совсем неприглядна.

Необходимо было собраться с мыслями и придумать, что следовало рассказать королю, когда он явится провести пришедшую в сознание дочь, однако все мои мысли постоянно возвращались к произошедшему в пещере.

Я снова и снова сгорала в пламени унижения, стоило лишь воскресить в памяти склонившегося ко мне вампира, насмешку, скользнувшую по его лицу и затаившуюся где-то в уголках полных губ, взгляд, полный презрения и самодовольства.

Ну почему из того великого множества мужчин, что мне доводилось встречать во дворце и за его пределами, именно этому вампиру удалось заставить позабыть обо всех правилах и уроках, что с детства вбивались в голову? Никогда прежде я не вела себя столь безрассудно и легкомысленно, как тогда, в пещере, и осознание этой ошибки прожигало в сердце настоящую дыру. Я всегда считалась разумной и рассудительной девушкой, и сама привыкла во всем полагаться на свой разум! Однако выяснилось, что он может предать свою хозяйку и сделать это стремительно и неожиданно в самый неподходящий момент.

Мои мысленные самобичевания оказались грубо прерваны: резко распахнулась входная дверь, и в комнату уверенной походкой вошел Его Величество Киаран Первый, правитель нашей небольшой страны, приходившийся мне родным отцом.

Служанки, так же как и я оказавшиеся застигнутыми врасплох, тихо пискнули от неожиданности, и тут же склонились в низком поклоне, не смея поднять головы.

Небрежный взмах королевской длани заставил их выскользнуть из комнаты, оставляя меня на растерзание чудовищу, наделенному властью и короной. Нахмуренные брови и плотно сжатые губы не оставляли сомнений: отец пребывал в ужасном настроении, и причина тому находилась сейчас прямо перед ним.

– Я желаю знать все подробности. Немедленно, – проигнорировав все правила, предписывающие для начала хотя бы поприветствовать дочь, король сверлил меня взглядом, ожидая ответа.

У меня даже не осталось времени, чтобы сочинить мало-мальски годную легенду, а потому пришлось, прочистив горло, начать неуверенно рассказывать, фантазируя на ходу.

– Я так устала от постоянного шушуканья и смеха за спиной во дворце, все придворные думают, что я не замечаю их насмешек, но это не так. Я пресытилась всеобщим вниманием и назойливостью, и захотела пройтись в парке, в одиночестве. Потому и отправила всех дам обратно во дворец, а сама сбежала от них, намереваясь немного прогуляться и вернуться обратно. Но я задумалась и зашла слишком далеко, куда обычно не доходила, – эта часть не слишком отличалась от правды и потому потребовала совсем немного сил, в отличие от того, что должно было последовать за ней. Немного помолчав, я тихо продолжила: – Поняв, что заблудилась, я принялась искать выход, но вместо этого наткнулась на поляну, где произошла схватка. Я испугалась, хотела побежать обратно, но внезапно на меня напал незнакомец, вампир, один из тех, что лежал там. После этого больше ничего не помню, – эта наспех сочиненная ложь далась мне нелегко. Щеки жег румянец стыда, в груди ворочался ком, на лбу, кажется, горело и переливалось издевательское «лгунья».

– И ты думаешь, я в это поверю? – словно в насмешку над всеми моими молитвами король скептически усмехнулся. – Оставленные тобой следы указывают на несколько иное развитие событий.

– Я действительно ничего не помню, отец – с трудом приподнявшись на локтях, из последних сил воззвала к нему я, в глубине души понимая, что тот уже все для себя решил, и осталось лишь подождать пару мгновений, прежде чем он озвучит окончательный приговор. Но все же я не смогла умолчать о главном: – Понимаю лишь одно: из-за меня погибли люди, пусть невольно, но я явилась причиной их гибели, – спустя долгую паузу я призналась, понимая, что не с тем собеседником делюсь мыслями, но отчаянно желая хоть кому-то излить часть

своих переживаний: – И никто на целом свете не сможет наказать меня за это сильнее, чем это сделаю я сама.

Брови Киарана Первого сошлись в одну линию. Как и ожидалось, это откровение не произвело какого-либо впечатления на отца. Поджав губы, король, наконец, недовольно заговорил:

– Глупая девчонка! Если бы ты хоть могла знать, какие грандиозные планы нарушила своей самовольной прогулкой! Ты испортила все, что я с таким трудом готовил на протяжении нескольких месяцев.

Повисла тягостная тишина. Я устало опустила обратно на подушки, желая лишь поскорее выслушать наказание и остаться в спасительном одиночестве. В этот момент в комнате раздался голос короля, подводивший итог:

– Я устал от твоего непослушания, Триана. Ты словно нарочно делаешь все, чтобы вывести меня из себя. В другой раз я бы, может, снова закрыл глаза на это неподобающее для королевской дочери поведение, но только не сейчас, когда на чаше весов находится благополучие моего народа. Заниматься твоим перевоспитанием поздно, потому я принял решение переложить заботы о тебе на плечи кого-нибудь другого. К счастью, такой человек нашелся быстро, и это настоящее благословение небес в ответ на мои молитвы.

Я подавленно молчала, осмысливая услышанное.

– Как только ты окончательно придешь в себя, я отдам тебя замуж за одного из своих вассалов – помнишь Дрогаса? Он смиренно согласился взвалить на себя это нелегкое бремя. Впрочем, если вспомнить трех его предыдущих жен, ему всегда с легкостью удавалось усмирять буйные дамские характеры.

Все, что могла в этот момент я делать, – это изумленно смотреть на отца, отказываясь поверить в эти безумные слова, срывавшиеся с его губ. Неужели он так просто сможет отказать от меня? И самой же себе ответила: «Да, сможет», обреченно вспомнив серое морщинистое лицо сэра Дрогаса – одного из самых жестоких подданных короля, по слухам, всех своих жен до смерти запоровшего кнутом. И вероятность повторения их судьбы своей дочерью не пугала повелителя – эту участь я легко могла прочесть на суровом лице короля.

Но прежде я должна спросить его о том единственном, что имело смысл теперь, когда вся дальнейшая жизнь была окончательно определена. О том, что подсознательно не давало мне покоя все это время.

– Ваше Величество, позвольте задать вам последний вопрос?

Он с нежеланием кивнул, точно ожидая, что я наброшусь на него с мольбами о снисхождении и прощении. Но у меня не было сил для этого, все, что сейчас имело значение в моем крохотном опустошенном мире, – это вопрос, торопливо сорвавшийся с губ:

– Есть ли новости об Дэйкасе?

На мгновение я увидела, как веки короля дрогнули, скрывая вспышку боли, пронзившую его при упоминании имени сына. Он даже не стал уточнять, откуда мне стало известно об исчезновении брата.

– Нет.

И он резко вышел из комнаты, оставляя меня в полном одиночестве.

Потянулись серые дни, как один похожие друг на друга.

Я часами просиживала у окна, бессмысленно разглядывая такую с детства привычную картину: королевские воины неспешно тренировались, перекидываясь шуточками и усмешками; между ними, порой рискуя попасть под чей-нибудь разгоряченный меч, сновали расторопные слугаки, спешившие по своим обыденным делам. Вокруг конюшни, что находилась чуть поодаль, но была прекрасна видна с высоты моего окна, резво перебирали копытами королевские скакуны, рядом бегали крестьянские дети, то и дело пытавшиеся подкормить их яблоками, несмотря на строжайший запрет главного королевского конюха.

А мне самой так хотелось выбежать на улицу, вдохнуть грудью свежий осенний воздух, улыбнуться последним теплым лучам солнца, в последний раз оседлать мою любимую Зарю! Однако распоряжение отца оставалось в силе: никаких прогулок без сопровождения даже в стенах дворца. А чтобы я не сбежала, у дверей комнаты теперь всегда дежурили королевские воины, подчиняющиеся прямому приказу повелителя, и на меня обращавшиеся внимания не больше, чем на досадную помеху. Ко мне не допускали никого, кроме пары слуг, которые, впрочем, ни разу не произнесли и двух слов, лишь молча приносили еду, забирали подносы с посудой и делали уборку. Я словно перестала для всех существовать, лишь из окна несколько раз мне удалось увидеть возле конюшен Меллана, но меня юноша разглядеть, конечно же, не мог. Единственным утешением стали книги, которые и спасали в минуты особенного уныния.

Почему все так сложилось? Я раз за разом раскладывала в голове произошедшее на мелкие детали и события, пытаюсь определить тот самый роковой момент, положивший начало концу моего прежнего существования. Какой из поступков оказался решающим? Желание сбежать ото всех и в одиночестве оплакать исчезновение брата? Стремление взглянуть на загадочных воинов-вампиров? Или же настойчивое стремление спасти умирающего врага, пусть даже ценой своего благополучия? В тот момент я не могла знать, какие именно последствия повлечет за собой этот спонтанный поступок, но не могла не осознавать, что отец не оставит произошедшее без наказания.

Впрочем... если бы речь шла только о моем замужестве! В этом случае мои мысли едва ли были бы пропитаны такой горечью. Но стоило закрыть глаза и прислушаться, как, казалось, сквозь привычный шум дворцовой жизни пробиваются совсем иные звуки, которым не было места здесь. Я вновь слышала испуганное ржание лошадей, человеческие крики и стоны, звуки, с которыми умирали пришедшие по моим следам люди.

И неизвестно, как сильно затянула бы меня пучина тоски, если бы не один вечер, разом оборвавший все нити старой жизни.

Как обычно, я сидела в кресле у камина, молчаливо наблюдая за пламенем, пляшущим в очаге, и думала... Думала о пропавшем брате, о выборе отца, о своей жизни, которая так внезапно покатилась под откос из-за одной единственной встречи... Эти мысли стали постоянными спутниками, они сводили с ума невозможность что-либо изменить, заставляя раз за разом переживать тот роковой день.

Не в силах больше выносить гнетущее чувство одиночества и отчаяния, я настежь распахнула единственное окно, и комната мгновенно наполнилась густым дурманящим запахом роз. Из конюшен доносилось беспокойное ржание лошадей – на секунду я нахмурилась, не понимая тревожного поведения обычно спокойных животных, но рассеянно отогнала от себя эти мысли, вернувшись к привычным думам.

На землю медленно опускались сумерки, и во дворе замка уже никого не осталось: сегодня был объявлен очередной праздник, все усиленно делали вид, что никакой войны и в помине нет, и большинство слуг сейчас суетились на кухне и в тронном зале, прислуживая разряженным в пух и прах придворным дамам и их кавалерам. В некоторой степени, я была даже рада, что сегодня нет нужды спускаться к ним и весь вечер изображать радужную хозяйку, как приходилось делать обычно. Однако несмотря на привычное течение вечера на душе отчего-то было беспокойно: меня не отпускало гнетущее предчувствие надвигающейся беды, липкий страх просачивался тонкой струйкой, заставляя сердце биться все чаще.

Кроваво-алый закат, тяжелые гроззовые тучи, идущие с горизонта, еще больше усиливали мою тревогу. Не зная, чем заняться, я устало прилегла на холодную кровать и неожиданно для себя погрузилась в беспокойный сон...

Я бежала по темному мрачному лесу, сбивая в кровь ноги, падая и вновь поднимаясь, спеша скрыться от высокой темной фигуры, преследующей меня. Мое отрывистое дыхание,

хруст веток под ногами и одинокий крик птицы – единственное, что прерывало эту густую и вязкую тишину. Внезапно я поняла, что мой враг стоит прямо передо мной, а я сама не могу сдвинуться ни на шаг, обреченно замерев на месте. Вот он медленно подходит ко мне. Его голову скрывает темный капюшон, но мне даже не нужно видеть лица, чтобы узнать. Лишь один вампир вызывал во мне столь противоречивые чувства: первобытный ужас... и непреодолимую тягу...

Я очнулась с тяжело бьющимся сердцем, в первые мгновения не понимая, что за странный звук меня разбудил.

В этот момент во дворе замка раздался одинокий пронзительный, полный страха и боли крик. Стремительно поднявшись с постели, я подбежала к окну. В темном сумраке двора с трудом можно было различить бесшумно скользящие к замку темные фигуры – прямо как из моего сна! – но в их реальности сомневаться не приходилось.

Сердце сжала хватка ледящего ужаса. С трудом подавив рвущийся стон, я бросилась к двери, всей душой надеясь, что воины, обычно стоящие за ней, не ушли праздновать вместе со всеми. Только бы успеть поднять тревогу! Успеть предупредить кого-нибудь!

Увы, моим чаяниям не суждено было сбыться: коридор был пуст, неровные тени от языков пламени факелов зловеще плясали на каменных стенах, усиливая страх.

Внезапно звуки музыки, до этого доносившиеся с первого этажа, где находился тронный зал, резко оборвались, и на несколько секунд воцарилось затишье. Я замерла на месте от обреченного осознания того, что произойдет дальше. Сердце провалилось куда-то вниз в тот же миг, когда зал взорвался миллионами звуков: испуганно завопили женщины, с тяжелым грохотом рухнули на пол подносы с угощением, закричали дети, залаляли-заскулили собаки.

Подбирая тяжелые юбки, я стремглав побежала к большой лестнице, что вела вниз. Те секунды, что занял этот путь, показались мне вечностью.

Выбежав на площадку, с которой открывался обзор на весь зал, я застыла от ужаса, шокированная открывшимся видом: внизу царил ад. Те самые фигуры в плащах, двигаясь с немыслимой скоростью, набрасывались на растерянных людей, легко преодолевая их слабое сопротивление. Первыми легли те, кто находился ближе ко входу; многие пытались бежать, но были настигнуты, а затем убиты с беспощадной жестокостью. Человеческая кровь – алая, сверкающая в ярком свете факелов – лилась повсюду, казалось даже, в воздухе повис тягучий чуть солоноватый её запах.

Король и его свита столпились на другом конце зала, с нескрываемым ужасом наблюдая за происходившим. Лица отца мне было не разглядеть, но от напряженной его фигуры веяло отчаянием: он, в отличие от большинства подданных, четко осознавал, за какой именно его проступок вампиры пошли на этот крайний шаг, как и понимал то, что сегодняшней ночью пощады не стоит ждать никому.

В дверях показалась еще одна высокая фигура в черном, в отличие от предыдущих не ринувшаяся нести смерть всем оказавшимся поблизости людям. Нет, вампир вошел последним, и от него веяло опасностью... властью... кровью. Судя по уверенным движениям и тому, как почтительно расступались перед ним прочие воины, он и был предводителем сегодняшнего нападения.

Но отнюдь не по этой причине мое сердце пропустило удар. Не узнать этого вампира, даже не видя его лица, было невозможно. Не в силах пошевелиться, я могла лишь стоять, судорожно вцепившись в гладкие перила, и смотреть на то, как враг неторопливо подходит к моему отцу, откидывая капюшон. Те отчаянные храбрецы из королевских воинов, что попытались помешать приблизиться к своему повелителю, за считанные мгновения были окружены превосходящими их по количеству вампирами. Но я не могла следить за закипевшей схваткой, мой взгляд, точно приклеенный, следил за действиями главного из вампиров, того самого, кого я еще недавно поила своей кровью.

Вот он медленно склонился к белому как мел королю, негромко произнося что-то – лицо отца посерело, черты заострились – а затем со зловещим оскалом хватает его... В этот миг силы меня покинули: отчаяние затопило душу без остатка, я закрыла глаза с такой силой, что перед закрытыми веками заплясали радужные пятна, и принялась молиться всем известным и неизвестным мне богам о чуде.

Но в этот вечер все боги оказались глухи.

Легкое дуновение воздуха рядом заставило меня нерешительно раскрыть глаза, чтобы со свистом выпустить воздух сквозь сжатые зубы: незнакомый вампир с горящими глазами и испачканным кровью ртом стоял на ступенях внизу, насмешливо протягивая руку, предлагая самой сделать шаг к нему. Я в испуге попятилась, на что он резко оскалился и неуловимым движением оказался рядом со мной.

Я лишь успела подумать, что вот он – конец, как вдруг по залу пронесся грозный рык, сравнимый разве что с раскатом грома, от которого на миг замолкли все прочие звуки:

– Не трогать! Она – моя...

Глава третья

Нападавший злобно оскалился, но послушаться приказа повелителя не посмел: в следующую секунду он уже находился в противоположном углу, вытаскивая забившуюся в тень девочку-служанку.

Ледяная волна прокатилась по телу, за мгновение выстудив душу и превратив сердце в обмерзлый кусок камня.

На негнущихся ногах я медленно развернулась и взглянула на того, кто только что во всеуслышание заявил своё право на меня. Зал по-прежнему представлял собой иллюстрацию самых ужасных людских кошмаров, вот только происходящих, увы, наяву: те, кто не были убиты в первые мгновения, наверняка горько жалели об этом сейчас. Умереть, даже толком не успев осознать, что происходит, – легкая смерть. Тех же, кто пребывал в сознании и наблюдал за приближением своих убийц, обуреваемый дикий, животный ужас. Он читался на их перекошенных лицах, скользил в скованных, рваных движениях, с которыми они пытались спастись от смерти, убежать, спрятаться, даже прикрыться телами менее расторопных соплеменников.

Человеческие воины продолжали оказывать сопротивление, но хватило и взгляда, чтобы осознать: им не удастся выстоять. Неизвестно, как врагу удалось собрать столько воинов и незаметно провести их в замок, но нельзя было отрицать, что он прекрасно подготовился: не далее как тремя днями ранее король отправил целый отряд элитных, специально тренированных для борьбы с вампирами воинов куда-то к границе. Судя по тому, что мне удалось услышать от вездесущих слуг, именно там ожидалось нападение врага. Если бы только они были здесь! Возможно, все сложилось бы иначе.

Тот, кто привел сегодня смерть, торжествовал. Рот вампира был перемазан кровью моего отца, губы кривились в торжествующей усмешке, а глаза... Глаза горели возбужденным огнем, обжигая меня своим жаром даже на расстоянии. Он медленно выпустил из рук обмякшее тело короля и двинулся по направлению ко мне.

Не в силах вынести этого зрелища, я повернулась и стремительно побежала к своей комнате, ноги машинально делали свое дело, а разум захватила пустота. Одна часть сознания возражала против побега, шепча, что это лишь жалкая отсрочка гибели, и лучше уж умереть без промедления, чем оттягивать неминуемую смерть. Вторая же часть упрямо заставляла тело двигаться вперед, оставшись равнодушной ко всем рациональным доводам.

Бежать в тяжелом длинном платье было ужасно неудобно. Добравшись до принадлежащих мне покоев, я стремительно ворвалась внутрь, благодаря providению за открытую настежь дверь, которую в порыве ужаса сама же и забыла захлопнуть, выбегая из комнаты несколькими минутами ранее. Сейчас казалось, между этими двумя моментами разверзлась пропасть длиною в целую жизнь!

Захлопнув за собой тяжелую дверь на засов, я без сил прислонилась лбом к прохладному дереву, в очередной раз отчаянно взывая ко всем богам, чтобы все оказалось только сном. За толстой преградой дерева и железа – словно в ответ на мои молитвы – на удивление стояла мертвенная тишина. Ни торопливых шагов, ни зловещего шипения раздосадованного вампира – ничего.

Но не успела я расслабленно повернуться, радуясь своей расторопности, как в этот момент уже знакомый низкий голос медленно проговорил прямо у меня над ухом:

– Вот мы с тобой и встретились вновь, человеческая женщина.

Балансируя на грани обморока, я медленно обернулась, всей душой желая втиснуться затылком в твердую поверхность, слиться с дверью, лишь бы не встречаться взглядом со своим убийцей. Не помогло. Частью дерева мне стать не удалось, а в холодной усмешке врага явственно читалось, что все мои жалкие мысли он наперед предугадывал. Как ему удалось

так стремительно оказаться здесь? Стоило признать, я сама себя загнала в эту комнату, как в ловушку, облегчив противнику и без того несложную задачу.

Я подавленно молчала, но ему и не нужен был мой отклик. Вампир упивался моментом своего триумфа, и наличие слушательницы – пусть и невольной – оказалось ему на руку.

– Признайся. Ты ведь думала обо мне? Вспоминала? – я приготовилась услышать о мести, о вкусе победы, о торжестве расы вампиров, если уж на то пошло. Но никак не тех слов, что срывались сейчас с губ моего мучителя. Вспышка удивления на мгновение сумела даже затмить собой прежний липкий страх. – Уверен, что да. Наша встреча была не той вещью, что можно легко забыть, – он неторопливо осмотрел меня с ног до головы, особо наслаждаясь моим лицом, потрясенное выражение которого мне не удалось скрыть.

Смолчать я уже не могла. Мысль, что это будет последней речью, которую я произнесу в этой жизни, лишь подстегнула гнев и желание высказаться.

– Вы... – даже в этот момент я не сумела обратиться к врагу так, как он того заслуживал. – Вы самое ужасное существо из всех, что я когда-либо встречала! Как я сейчас жалею, что спасла вас тогда в пещере! Забыть о вас? Да даже если бы я захотела, последние несколько минут не стереть из памяти! И вашу роль в них. Ну а то, что произошло сегодня в зале не делает вам чести! Даже наоборот: ни один воин не может гордиться такой победой – нечестной и бесславной, – разгоряченная своей яростной тирадой, я не заметила, как начала понемногу наступать на него. – Хотите убить меня? Ну так чего же вы ждете? Сделайте это хладнокровно и жестоко, так же, как убили у меня на глазах короля и всю его свиту!

Какой-то части моих слов удалось совершить невозможное – задеть вампира. В торжествующем взгляде мужчины мелькнула тень, но он, вопреки ожиданиям, удивительно быстро справился с собой.

– Любопытно. Оказывается, даже у такой тихони и паиньки, как ты, имеются когти. Мне нравится это.

И вновь я получила совершенно неожиданную реакцию! Я надеялась разозлить врага, выдав самую эмоциональную речь в своей жизни, чтобы довести его до такого состояния, когда в порыве злости он убьет меня одним движением, не терзая долгими часами мучений. Однако вампир, кажется, разгадал мой замысел в самом начале его претворения. Удивительно, но осознание этого факта пробудило в моей душе новую вспышку злобы. Наверное, в том было повинно одно его присутствие рядом – никогда прежде я не испытывала столь много чувств за одно мгновение.

– Вы что, совершенно не слышали того, что я вам сейчас сказала? Мне безразлично, что вам нравится или нет! Убейте меня. Я не хочу больше оттягивать этот момент, выслушивая ваши речи.

С этими словами я изо всех сил рванула ворот платья, особо не надеясь на успех, но гнев подарил мне силы, о которых я и не подозревала: с громким треском ткань легко поддалась моим усилиям. Однако в своем желании приблизить момент, когда вампир сбросит с себя маску сдержанности, я перестаралась: пойдя по шву прямо по кружевной вставке, так неудачно разделявшей ворот и корсет, платье начало сползать вниз, обнажая не только шею, но и плечи...

Я вспыхнула так, что даже сама ощутила, как побагровело лицо. Враг же только лишь насмешливо хмыкнул, наблюдая за моим смущением:

– Вероятно, теперь у людей под словом «убить» подразумевается нечто совершенно иное. А я-то гадаю, с чего ты так страстно молишь меня о смерти.

Торопливо подхватив сползающий ворот и стараясь не растерять последние капли достоинства – хоть это и казалось сейчас почти невыполнимой задачей! – я повернулась к вампиру и, глубоко вдохнув, откинула голову назад, открывая беззащитную шею. Он мог смеяться надо мной, сколько захочет, но я больше не могла продолжать этот немыслимый разговор, делая

вид, словно мы с ним всего лишь двое случайных собеседников, а не убийца и его жертва. Эта ситуация, томительно тянущиеся мгновения, его нарочитая пассивность и словно миролюбивый настрой... Все это было до такой степени нелепо и наигранно, что даже моё простодушие не могло поверить в разыгрываемую постановку. Чего мой враг ожидал? Зачем тянул время, вместо того, чтобы скорее расправиться с одной из последних жертв? Я вспомнила лицо отца перед смертью и поняла, что в одном я точно ему завидовала сейчас, – он умер быстро.

Мне же такой возможности, увы, не дали. Я стояла в ожидании, покорно запрокинув голову, проходили секунды, а вампир продолжал хранить молчание – и полное бездействие.

Не выдержав, я открыла глаза: мужчина стоял на прежнем месте, и во взгляде его проглядывала холодная насмешка, но никак не желание крови или моего убийства. Он отчетливо наслаждался каждой минутой, проведенной в этой комнате, и не собирался ничего менять. Как только я осознала это, те жалкие крупинки сил, что поддерживали меня сегодня, растворились под гнетом ярости и бессилия. Все, на что хватило меня, – это взглянуть своему мучителю прямо в глаза, вложив в этот взгляд ненависть и презрение, что кипели сейчас в душе.

– Ну что, человеческая женщина, я вижу, ты закончила этот маленький спектакль. Как ты привыкла звать себя?

Я непонимающе нахмурилась, совершенно не поспевая за логикой этого странного вампира. Зачем ему мое имя? Вероятно, отголосок сомнений мелькнул на моем лице, так как собеседник недовольно изогнул бровь.

– Так что? – он переспросил, и мне подумалось, что терпение явно не входило в число добродетелей моего нежеланного собеседника. – Ты говоришь мне свое имя или я выбираю его на свой вкус?

– Триана, – обреченно ответила ему, отчетливо подозревая какой-то подвох.

Кивнув в ответ каким-то своим мыслям, вампир холодно распорядился:

– Сейчас ты следуешь за мной, не задавая вопросов.

– Но как? Зачем? С вами? Куда? – я растерянно взглянула на него, ничего не понимая.

– Слишком. Много. Вопросов. – Раздельно по слогам проговорил он и скривился.

Я ошеломленно смотрела на него, не в силах осмыслить того, что он не собирался меня убивать, по крайней мере, *пока* не собирался.

Но идти с ним? Нет, и пусть я не знала, что ожидало меня здесь, но следовать за ним не собиралась.

– Я никуда с вами не пойду.

Он, не говоря ни слова, медленно подошел ко мне, а затем...

Внезапно отвесил хлесткую пощечину, больше обидную, нежели болезненную.

Никто никогда прежде не смел поднимать на меня руку! Даже отец не снисходил до физических наказаний, предпочитая запираť меня в покоях, и не позволял выходить наружу, пока он не остынет. Но глядя в равнодушное лицо своего врага я невероятно четко осознала – те времена прошли. Труп моего отца остывал сейчас в нижнем зале, знаменуя конец моей жизни во дворце, и надо было раз и навсегда принять этот факт. Как и то, что у вампира имелись на меня какие-то иные планы, и желания выбранной жертвы интересуют его в последнюю очередь.

В подтверждение моих мыслей, мужчина, глядя прямо в глаза, лениво проговорил, отчеканивая каждое слово:

– Не испытывай мое терпение. Ты будешь делать все, что я тебе скажу. Не думай, что если я оставил тебя в живых, то ты можешь пререкаться со мной. Этим ты лишь усугубляешь свое и без того шаткое положение.

Его пощечина горела на щеке, точно клеймо, а злые слова снова и снова раздавались в голове, пока я ругала саму себя, стараясь поспеть за вампиром по столь знакомому коридору. С каждым шагом, приближавшим к зрелищу, что ждало меня в тронном зале, сердце

все убыстряло свой ход. Мучитель же, устав от моей медлительности, что-то прорычал сквозь зубы и грубо ухватил меня за предплечье, заставляя перейти на бег.

И в этот момент мы вышли к лестнице.

Я знала, что увижу, пыталась хоть как-то подготовить смятенный разум, но все равно не смогла сдержать поток слез, хлынувших, как только я взглянула вниз. Весь зал был в крови, искривленные обескровленные тела придворных и слуг распростерлись на полу. Кто-то был еще жив, но оставшиеся вампиры безжалостно добивали выживших после их страшного кровавого пира. Здесь были все: мужчины, женщины, дети.

Никого в замке не пощадили этой ночью. Никого, кроме меня. Но разве я просила об этом? Нет! Я должна была быть с ними, разделить их ужасную участь. Я с ненавистью взглянула на замершего рядом мужчину, не раз являвшегося мне в кошмарах, замечая, насколько его пьянит вид поверженных противников: торжество читалось в заостренных чертах лица вампира, глаза сияли хищным огнем, губы кривила недобрая улыбка.

– Так будет с каждым, предавшим меня, – негромко произнес он. Едва ли эти слова предназначались мне.

В этот момент от остальных вампиров отделилась женская фигура, в одно мгновение оказавшаяся прямо перед нами, остановившись на последней ступени лестницы. Первое, что бросалось в глаза, – нечеловеческая красота женщины. Безукоризненные черты лица, струящиеся за спиной светлые волосы, нежная кожа и стройное тело были способны очаровать любого мужчину. Единственное, что заставляло поверить в смертельную опасность этой красавицы, – капли крови на светлой ткани, выглядывавшей сквозь распахнутую накидку. Рядом с ней даже самая привлекательная человеческая женщина показалась бы невзрачной простушкой. Окинув меня презрительным взглядом, она обратилась к моему спутнику, перед этим усмешкой дав понять, что ни одна деталь не ускользнула от ее взора: ни спадающее платье, которое я была вынуждена поддерживать одной рукой, ни красный след на моей щеке.

– Мой повелитель, как было приказано, все уничтожены, – с небольшой паузой она добавила, стрельнув в мою сторону глазами. Отчего-то её странный интерес заставлял нервничать. – Кроме одной.

– Хорошо, Аннора. Передай всем, мы возвращаемся домой. Больше здесь делать нечего. Кивнув в ответ, светловолосая вампирша, тем не менее, не торопилась уходить.

– У тебя остались вопросы?

Она кивнула, не сводя с меня пристального взгляда. Неизвестно чему ухмыльнувшись, стоявший рядом вампир вдруг небрежно произнес:

– Вижу, ты тоже заметила сходство. Повернись ко мне, – этот приказ уже был адресован мне.

По-прежнему мало что понимая, я обреченно повернулась и подняла лицо к нему, надеясь на пояснения.

Вглядевшись, мужчина удовлетворенно хмыкнул.

– Они точно связаны кровными узами. Скажи мне, Триана, имя «Дэйкас» тебе о чем-нибудь говорит?

Кровь отхлынула от лица, мне срочно потребовалась опора, чтобы не покачнуться от налетевшего порыва слабости. Дэйкас? Но откуда вампиру могло стать известно имя брата?

С трудом шевеля ставшими вдруг непослушными губами, я выдавила ответ.

– Он мой брат.

Теперь уже ослабилась блондинка.

– Да? Надо же, какая она невзрачная в отличие от него... Что ж, думаю, ему будет интересно её увидеть.

Закончив этот странный диалог, вампириша мгновенно переместилась к остальным воинам, в тот же момент они двинулись на выход. А я так и стояла, мысленно раз за разом прокручивая только что услышанную беседу, боясь поверить в её ужасающий смысл.

– Ты можешь задать свой вопрос, – раздалось над ухом, но я не могла отвести взгляд от удалявшейся светловолосой макушки. Мысли разбежались в разные стороны, и мне с трудом удавалось не терять связь с реальностью.

Не дождавшись моей реакции, враг картинно вздохнул, возвышаясь надо мной.

– Твой брат жив. Ну или, по крайней мере, существует, как вы это называете. Моя сестра нашла его забавным.

– Подождите... Что вы имели в виду, говоря «существует»? – на то, чтобы выдавить из себя эту простую фразу, потребовалось целых десять ударов сердца. Я мысленно отсчитывала гулкий стук в висках, ухватившись за этот привычный звук, как за спасительную соломинку. Мне отчаянно была нужна, необходима сейчас хоть какая-то опора, способная удержать мой крошечный мир в шаге от разрушения.

– Вы, люди, считаете, что у вампиров нет души. Поэтому мы якобы не живем, а существуем, – он с секундной усмешкой взглянул на меня, прежде чем сухо закончить: – Мы с твоим братом сошлись в схватке, но он потерпел неудачу. Я должен был убить его, однако моей сестре он чем-то приглянулся, и она решила оставить его в качестве домашней зверушки. Теперь он один из нас.

Я почувствовала, как несмотря на все усилия остатки моего мира разбиваются вдребезги. Что-то умерло в моей душе вместе с равнодушными словами вампира, слезы бессилия чертили влажные дорожки на щеках, а рассудок отказывался принять то, во что превратилась моя когда-то скучная и размеренная жизнь всего за один вечер.

Поэтому почувствовав, как перед глазами все закружилось-слилось в мутную картинку без образов и звуков, я испытала невыразимое облегчение, мгновением позже провалившись в спасительный обморок.

Глава четвертая

Приходила я в себя медленно, с трудом вспоминая все недавние события. На этот раз робкой надежде, что все произошедшее оказалось просто сном, даже не нашлось места в измученном сердце. Слишком остро впился в память вчерашний вечер, слишком свежи были чувства, с которыми мой прежний мир рассыпался на осколки.

До сих пор я не хотела принимать новую реальность, в которой мой брат, мой заботливый и справедливый Дэйкас, стал одним из тех, кого прежде он так люто ненавидел. Но причин не верить словам врага у меня, увы, не было. Остался лишь последний вопрос, но на него получить ответ будет непросто, – для чего понадобилась ему я. Он по примеру сестры – уж не той ли светловолосой вампириши? – тоже решил обзавестись человеческой игрушкой? И по каким неведомым причинам его выбор пал именно на меня?

Будь моя воля, я никогда не захотела бы просыпаться! Уж лучше вечный сон, нежели короткая жизнь в королевстве вампиров. Однако у моего тела оказались свои желания, о которых оно не стеснялось напомнить нерадивой хозяйке. Вчера я так и не удосужилась позавтракать, занятая невеселыми думами, ну а то, что произошло позже, казалось бы, должно было навсегда отбить у меня аппетит. Должно было – но не сумело. И сейчас желудок громко бурчал, призывая вспомнить о его существовании.

Признав его требования справедливыми, я решилась, наконец, познакомиться с ожидавшей меня новой жизнью, какие бы ужасы это не сулило.

Первое, что предстало перед глазами, едва я их осторожно приоткрыла, – тяжелый балдахин над головой. С трудом приподнявшись на мягкой перине, я осторожно спустила ноги с кровати, придерживаясь одной рукой за мягкий полог, и, наконец, оглядела комнату, в которой находилась.

В большом камине весело плясали языки пламени, ступни утопали в пушистом ковре, бывшем когда-то чьей-то шкуркой, старинные гобелены сплошь увешивали стены, не оставив открытым ни кусочка камня. На прикроватном столике обнаружился кувшин с водой и стоявшими рядом бокалами, и это было, пожалуй, единственной деталью, свидетельствовавшей о наличии в комнате жильца. Несмотря на чистоту и очень даже уютную обстановку, складывалось ощущение, словно до меня эти покои были нежилыми.

Единственное окно было занавешено плотной бордовой тканью. Я нерешительно подошла к нему и, собираясь с духом, резко откинула занавеску. Яркий свет ослепил, заставив прикрыть лицо ладонью, но когда глаза к нему привыкли...

Вид, открывшийся из окна, заставил меня замереть от потрясенного восхищения: замок вампиров располагался прямо на краю отвесной скалы, а дальше простиралась зияющая пропасть, черную прожорливую пасть которой я видела даже отсюда. За пропастью виднелись бескрайние поля, на самом горизонте переходящие в узкую синюю полоску. Я прищурила глаза, но видение не исчезало: там далеко-далеко действительно было... море? Несмотря на то, что я никогда не видела его воочию, оно столько раз представало в моих мечтах – бурное, непокорное, с сильными сбивающими с ног волнами! И вот оно было столь близко, но одновременно столь недостижимо...

В этот момент позади раздался чуть слышный звук открываемой двери. Мне потребовались все остатки былой гордости, чтобы обернуться к вошедшему, чьих шагов даже не было слышно, не показав своего страха. Я так боялась увидеть своего мучителя, однако моим визитером оказалась изящно вылепленная хрупкая брюнетка, темные локоны которой вились до самых пят. Два чувства затопили мою душу: восхищенное любование волосами незнакомки, длиннее которых мне не приходилось видеть прежде, и настороженная тревога, которую отныне вызывал у меня любой вампир.

К чести девушки, она не стала долго томить меня неведением.

– Здравствуй, Триана! Рада приветствовать тебя здесь! Как ты себя чувствуешь?

Я чувствовала идущее от нее гостеприимство и радушие, но неожиданная мысль, что если это хозяйка замка, то, значит, перед собой я вижу жену своего врага, заставила нахмуриться. Что со мной происходит? Раньше такого не случалось, чтобы неуместные эмоции так отчетливо брали верх над разумом. И это в сложившейся ситуации, когда прежняя жизнь оказалась в прошлом, а будущее было так неопределенно и туманно! Неудивительно, что моя растерянность вылилась в сумбурный ответ.

– Добрый день. Если мне не изменяет память, то я здесь, скорее, на положении пленницы, а не почетной гостьи. Вам, как хозяйке замка, не пристало так вежливо обращаться с простой пленницей.

Да, я знала, что провоцирую незнакомого мне вампира, но ничего не могла с собой поделать. В последние дни я саму себя не узнавала.

Но девушка лишь улыбнулась, демонстрируя прелестные ямочки на щеках, и с легкой укоризной произнесла:

– Дорогая моя. Твой статус здесь волнует меня в последнюю очередь. Для меня ты – гостья. И сейчас я пришла пригласить тебя на обед. Ведь ты, должно быть, страшно голодна, – на этих словах она повернулась к двери и сделала приглашающий жест рукой – Идем!

Прочтя на моем лице вполне очевидные опасения, вампириша подмигнула:

– Не волнуйся, в качестве блюда ты сегодня не заявлена – я проверяла лично!

Про себя поражаясь, как она так спокойно может шутить о таких вещах, я нерешительно колебалась, не зная, можно ли доверять её словам.

На секунду помедлив, девушка обернулась ко мне и лукаво добавила напоследок:

– Что касается твоих последних слов... В этом замке нет хозяйки. Я – сестра Алариса, но никак не его супруга.

Я почувствовала, как симпатия к этой дружелюбной вампирше внезапно переполнила меня, разгоняя страх. *С чего бы это?*

Мы шли по длинным коридорам, освещаемым неровным светом горящих факелов, вбитых прямо в стену. Я шла, то и дело оглядываясь по сторонам на величественные скульптуры и красочные картины, не переставая удивляться про себя: даже во сне я никогда не могла представить себе замок вампиров таким... уютным и красиво обставленным.

А моя спутница продолжала без умолку рассказывать о своей семье. Её звали Антия, и, несмотря на все мое сопротивление, она настаивала, чтобы я обращалась к ней просто по имени. Как я поняла, семья девушки была очень древней и почитаемой, и сейчас во главе рода стоял ее брат, Аларис... Антия продолжала что-то говорить, но я ее больше не слушала – я произносила имя врага про себя, удивляясь тому каскаду чувств, что оно вызвало. Казалось бы, после всего, что он сделал, во что превратил мою жизнь, я должна была его, по меньшей мере, ненавидеть. Должна была – но не могла. Что-то внутри дико боялось, но вместе с тем замирало в ожидании новой встречи. И это внутреннее противоречие сводило меня с ума все то время, пока мы шли в обеденную зону.

Наконец, мы остановились перед массивными дверями – по рассказу этой миниатюрной вампирши я уже знала, что обычно их семья собиралась здесь на ужин.

Ужин...

Я слегка передернула плечами, не желая даже представлять, какие блюда могли присутствовать здесь в меню. К счастью, узнать об этом на практике сейчас мне не грозило: Антия сразу развеяла мои тревоги, сказав, что мы с ней будем только вдвоем, и присутствия остальных членов семьи сегодня не предвиделось.

Я с опаской вошла в комнату вслед за вампиршей, уже не удивляясь изяществу и роскоши обстановки. Огромное витражное окно во всю стену, прямо за которым простиралась пропасть,

заставило меня еще острее ощутить чувство нереальности происходящего. Я с трудом подавила желание всем телом прильнуть к тонкому стеклу и попытаться разглядеть, что же скрывается там, в бездне.

За массивным дубовым столом нам прислуживали две служанки, чью острую неприязнь я почувствовала, еще только войдя в комнату. Они стояли возле двери с обманчиво покорным видом, опустив головы при появлении Антии, но стоило переступить порог мне, как флюиды презрения и гнева наполнили комнату. Зато стол девушки накрывали с такой нечеловеческой ловкостью и изяществом, что я не могла отвести глаз с грациозных движений их проворных рук, менявших блюда и подливавших напитки в бокалы. Что именно пила Антия, я не хотела даже интересоваться, зато в моем бокале находилось обычное вино, вкусное даже по людским меркам. Еда тоже приятно удивила: много овощей и отлично прожаренного конского мяса, вкус которого нельзя было перепутать ни с чем иным. В обычное время я старалась избегать есть конину, но сейчас ее присутствие в меню успокаивало. Несмотря на все заверения сестры Алариса подспудно я опасалась, встретить на столе куда более дикие кулинарные экспромты.

Одна из служанок-вампириш **них (лишнее слово)** едва удостоила меня взглядом, что меня полностью устраивало, зато вторая весь обед не сводила прищуренного взгляда ярких глаз. Лишь к концу трапезы, когда они нас покинули, я почувствовала, как напряжение потихоньку меня отпускает. Удостоверившись, что дверь плотно закрыта, я слегка наклонилась к Антии и задала мучавший меня на протяжении всего обеда вопрос:

– Антия, скажи, почему слуги так ненавидяще на меня смотрят? – я поежилась, вспоминая тяжелый взгляд второй служанки, не суливший ничего хорошего.

Может, люди в этом замке – не слишком частые гости? Но откуда столько неприязни и злобы, словно это я была врагом, пришедшим на их территорию и истребившим большинство жителей?

– Триана, постарайся понять, что присутствие в замке человека, – брюнетка чуть замялась, прежде чем продолжить: – не в качестве жертвы, а как гостя или пленника, запрещено. Этому правилу уже много веков, и мой брат стал первым, кто его нарушил. Естественно это вызвало непонимание, но не волнуйся – никто не посмеет причинить тебе вред.

– Но зачем я ему? Ведь если он хотел меня убить, то мог сделать это еще давно. Антия, я ничего не понимаю, – и это было правдой, я действительно запуталась в намерениях своего врага, и то, что он выделил комнату в своем замке, что позволил сестре опекать меня, вносило еще большую сумятицу в мои мысли. – Что ждать впереди?

Собеседница погрузилась, и её огорчение выглядело вполне искренним. Но прежде всего она являлась сестрой моего врага, представительницей народа, о котором я почти ничего не знала, и потому я все равно не могла довериться ей полностью, не могла раскрыться, хоть и очень этого хотела.

– Триана, я действительно этого не знаю. Аларис очень скрытный, и узнать у него что-либо, пока он сам не посчитает должным рассказать, невозможно. Но я очень надеюсь, что он тебя не станет убивать, – тут она мягко улыбнулась. – Я чувствую, что ты появилась здесь неслучайно. Прости, если временами я слишком прямолинейна, но у нас это в порядке вещей.

– Да, я уже убедилась в этом, – хмыкнула себе под нос, не удивленная её словами. Однако был еще один вопрос, который я не могла не задать, даже зная, что едва ли мне ответят. – Антия, пожалуйста, ответь мне на еще один вопрос – это очень важно для меня! Обещаю, что больше не стану спрашивать тебя ни о чем.

Она слегка кивнула в знак согласия, и я, собравшись с духом, выпалила:

– Где мой брат, Дэйкас? Ты его видела? Он здесь? Что с ним теперь будет? Я могу его увидеть?

Но темноволосая девушка, с сочувствием посмотрев на меня, лишь покачала головой:

– Прости, но я ничего не могу тебе рассказать, Триана. Это прямой приказ брата, и я не могу его нарушить. Еще раз прости...

Я лишь помотала головой, боясь, что если промолвлю хоть слово, непролитый поток слез, комом стоявший в горле, прорвется наружу многочасовой истерикой.

Я не хотела, чтобы Антия жалела меня – почему-то жалость с ее стороны задевала даже сильнее, чем откровенное пренебрежение и жестокость её брата. В этот момент мне хотелось оказаться в своих покоях и вдоволь нареваться в подушку. По-видимому, эти намерения были настолько явны, что Антия, выждав для приличия пару минут, участливо предложила проводить меня в комнату, на что я с облегчением кивнула. Не знаю, сколько времени я провела, захлебываясь рыданиями, когда, наконец, слезы закончились, и я обессилено провалилась в тяжелый нездоровый сон.

Потянулись мучительные дни ожидания: я с тревогой ждала момента, когда мой враг войдет в мою комнату и, наконец, положит конец этому томительному ожиданию.

Мысли о том, что, возможно, это будут мои последние минуты, не пугали – я отчаянно устала от неизвестности. Каждую ночь мне снились кошмары, в которых я раз за разом видела, как вампиры нападают на мой замок, как гибнут мои люди, как умирает мой отец. Но самым страшным было даже не это: в каждом из нападавших мне чудились глаза брата, кроваво-алые от жажды. Каждый раз, просыпаясь от собственного крика, я желала, чтобы мои мучения прекратились. И если это означало, что придется попрощаться с жизнью, – я была готова заплатить эту цену.

Антия, как могла, старалась утешить и подбодрить меня, но она была бессильна против приказов своего брата. А их было немало: мне запрещалось покидать замок, заходить в большинство из помещений, разговаривать со слугами, спускаться в подвалы. И хотя у меня самой не было ни малейшего желания даже смотреть на слуг или находиться где-либо, кроме своей комнаты или библиотеки, все равно каждый раз сталкиваясь с очередным запретом, я испытывала прилив дикой ярости на того, кто даже не соизволил сказать мне пары слов с момента моего нахождения здесь.

Главу вампиров (даже в мыслях я не могла называть его по имени) я встречала несколько раз, каждый из которых заставлял мое глупое сердечко сжиматься в порыве не то радости, не то ужаса. Как правило, он выходил из зала совещаний, в то время как я в сопровождении Антии направлялась на обед. Увы, но мой враг обращал на меня внимания не больше, чем на бездушную вещь или деталь интерьера. Пару раз его сопровождала незнакомая статная вампирша, равнодушное лицо которой не столько поражало красотой правильных черт, сколько отталкивало надменностью.

В первое время я сама старалась не попадаться на глаза врагу, съезживаясь в комочек от одного только его присутствия. Но осознав, что он меня, кажется, даже не замечает, стала, не скрываясь, проходить мимо него, жадно рассматривая знакомые черты. Каждый раз при виде вампира, с невозмутимым видом выходящего из комнаты, мое сердце на мгновение замирало, чтобы после пуститься в бешеную скачку. Эти встречи стали единственным, что хоть как-то оживляло мое безрадостное существование в замке вампиров. Но это не могло продолжаться вечно.

Однажды ночью, привычно проснувшись в слезах после своего еженощного кошмара, я долго лежала в постели, уже, скорее по привычке, пытаюсь придумать хоть какой-нибудь выход. Временами мне казалось, что одни и те же повторяющиеся неотступные мысли натерли кровавую мозоль в сознании и продолжали все еще вертеться в голове, причиняя боль и не давая отвлечься. Перемаывая и пережевывая воспоминания о случившемся, я постоянно убеждалась, что не могла поступить иначе. И это понимание причиняло боли не меньше, чем физическая рана, ведь на поверку получалось, что я – конченная идиотка? Коль даже осознавая фатальные последствия своего поступка, все равно в мыслях не допускала иного исхода.

Вконец отчаявшись заснуть, я все-таки решила наведаться в библиотеку, чтобы взять новую книгу – прежнюю как раз дочитала этим вечером. Прежде я никогда не выходила из своих покоев по ночам, но необходимость оставаться в комнате тяготила гораздо сильнее, чем страх нарушить приказ главного вампира.

Осторожно отворив дверь и убедившись, что коридор пуст, я крадучись двинулась по направлению к библиотеке, прислушиваясь ко всем звукам. Порадовавшись в глубине души, что в этот поздний час все обитатели замка, похоже, давно разошлись по своим спальням, я, наконец, достигла цели своего ночного путешествия. С облегчением приоткрыв тяжелые двери библиотеки, я осторожно проскользнула внутрь, так же неслышно их затворив за собой.

Внутри помещения царила полная тишина, лишь только ветер из приоткрытого окна тихонько раздувал легкие занавески. В робком свете луны темная комната выглядела таинственно и совсем незнакомо. Высокие книжные полки, уходящие под потолок казались громадами скал, силуэты массивных кресел, полукругом стоявших перед незажженным камином, вызвали необъяснимую тревогу. Я поспешила быстрее разжечь огонь, чтобы прогнать длинные мрачные тени, отбрасываемые предметами обстановки. Сухие дрова, стопкой лежавшие в очаге, радостно занялись проворными язычками огня. Удостоверившись, что пламя не потухнет, я облегченно повернулась к центру комнаты... и окаменела от неожиданности: в большом мягком кресле, удобно устроившись, полулежал объект моих неустанных размышлений, с ленивой усмешкой наблюдавший за всеми моими действиями.

Я стояла в оцепенении, не желая первой нарушить тишину, напряженной паутиной протянувшуюся между нами. Видя, что и мужчина не собирается этого делать, продолжая разглядывать меня сквозь полуопущенные веки, я повернулась обратно к камину, делая вид, что наблюдаю за игрой пламени.

Наконец, звенящую тишину комнаты нарушил вибрирующий голос вампира, тут же сотнями мурашек прокатившийся по коже:

– И что же тебе здесь понадобилось в два часа ночи? Какие именно слова в приказании «не ходить по ночам» показались не ясны?

Глава пятая

Закрыв глаза и сосчитав про себя до десяти, я сделала глубокий вдох и медленно повернулась к вампиру. Вот только я никак не могла ожидать, что он окажется стоящим за моей спиной. От неожиданности я отшатнулась, чуть было не шагнув в камин. Схватив меня за руку, мужчина грубо дернул на себя, заставив на мгновение наши тела соприкоснуться. Его тело показалось твердым, словно литым из мышц, и это прикосновение заставило меня отшатнуться с такой спешкой, словно я могла обжечься о вампира.

Тени играли на его непроницаемо равнодушном лице, и мне вдруг отстраненно подумалось, что так, наверное, и должен выглядеть Дьявол. Совершенно красив, жесток и бесчувственен – идеальное сочетание.

– Я получу сегодня ответ на свой вопрос?

Даже звучание низкого голоса было под стать холодному облику.

– Мне необходимо было выбраться, выйти хоть куда-нибудь. Я задыхаюсь в этой комнате, – откровенно призналась, заранее предчувствуя ответное безразличие собеседника. Так и вышло.

– И ты решила, что можешь безнаказанно нарушить мой запрет? Ты хоть понимаешь, что находишься в замке, полном вампиров? И такие прогулки могут закончиться плачевно?

– Но Антия сказала... – набравшись храбрости, я подняла на него глаза. – Что никто не причинит мне здесь вреда.

Показалось, или в темных глазах мелькнула тень?

– Ах, значит Антия сказала, – мрачно передразнив меня, вампир отчего-то распалился еще сильнее. – И ты тотчас же понеслась испытывать судьбу. Знай, человечешка, в этом месте у тебя найдется немало врагов. Которые едва ли удержались бы от соблазна, встретить они тебя ночью в таком виде.

Он перевел взгляд на мое тело, облаченное в одну лишь тонкую сорочку. Отчего-то под этим взглядом мне захотелось прикрыться. Скрестив руки на груди в защитном жесте, я смиренно ожидала окончания речи вампира, чтобы тихо удалиться обратно в комнату.

Но все получилось совсем не так, как мне представлялось.

– Однако главная опасность для тебя исходит вовсе не от них, человеческая женщина.

– А от кого? – я осмелела настолько, что рискнула вступить в диалог.

– Ты все еще не догадалась? – он лениво усмехнулся, но что-то во всем его облике вдруг заставило меня заволноваться. От мужчины исходили волны опасности, даже его поза неуловимо изменилась: он напомнил сейчас хищника, приготовившегося к прыжку. Но единственным претендентом на роль жертвы была я.

Мне бы испугаться, замолчать, слиться со стеной. В этом случае, быть может, еще остался бы шанс уйти отсюда невредимой.

Но незаметно разгоревшееся внутри пламя требовало выхода. И я поддалась его жару, когда произнесла, глядя в освещенное огнем камина лицо вампира.

– Я знаю. Главный мой враг – это вы.

Он лишь усмехнулся, заслышав мои слова.

– Понимание пришло к тебе слишком поздно, да, девочка?

– Да! Если бы я могла знать вас хоть немного, прежде чем спасти, то никогда – слышите, никогда! – не спасла бы!

– Но ты спасла. Почему же ты это сделала? – он всматривался в меня с безразличным видом ученого, ожидая ответа, увы, неизвестного мне самой.

– Сама не знаю! – с горечью воскликнула, выплескивая правду. – Я, наверное, в тот момент сошла с ума, понадеявшись, что вы обладаете хоть крупницей чувств, что свойственны

всем живым существам! Но напрасно: оказалось, вам неизвестна ни отзывчивость, ни благодарность, ни, тем более, благородство.

– Моя отзывчивость – сохраненная тебе жизнь. Моя благодарность – то, что ты сейчас живешь здесь, в моем замке. Благородство же... – он помедлил. – То, что твоя честь по-прежнему с тобой.

– Надо было меня оставить вместе со всеми придворными и слугами, там, в королевском замке! – я словно слышала свой голос со стороны, обмирая от собственного безрассудства. – Ведь все, кого я знала, теперь мертвы! Из-за вас моя жизнь превратилась в ад! И самое главное – мой брат, единственное, что удерживает меня в этом мире! Что вы сотворили? Почему запрещаете его видеть? Что с ним теперь?

– Даже не думай об этом. Никогда. Я запрещаю. Для твоего же блага.

– Моего блага? Да о чем вы вообще думали, похищая меня? Для чего? – я, наконец, выпалила главный вопрос, сводивший меня с ума на протяжении этих дней.

– О чем я думал? – обманчиво спокойно переспросил вампир, блуждая взглядом по моим плечам, распущенным волосам, упавшим на грудь. – Если бы я знал это сам! – его голос на мгновение надломился, ошеломив калейдоскопом эмоций, звучавших в нем.

Внезапно мужчина наклонился ко мне так, что его глаза оказались прямо рядом с моими, и, четко проговаривая каждое слово, он прошептал: – После той встречи в пещере я не могу забыть вкуса твоей крови, Триана.

Его признание меня ошеломило. Нет, подобное подозрение, конечно же, приходило в голову, однако... Существовало одно большое «но», никак не вписывавшееся в эту теорию: если его привлёк вкус моей крови, почему он не выпил меня? Почему я все еще жива?

Наверное, этот вопрос отчетливо читался в моем взгляде, потому как собеседник внезапно хмыкнул.

– Ты знаешь, что такое одержимость? Нет? – с непонятной мне яростью он вглядывался в мое лицо. В его глазах отражались пляшущие языки пламени, и это зрелище пугало и одновременно завораживало. – А мне вот это известно. Повсюду чувствовать этот проклятый чужой аромат. Закрывать веки и видеть ненавистные глаза, преследующие днем и ночью. Презирать себя за эту слабость, но проигрывать ей вновь и вновь.

– Тогда... – я облизнула пересохшие губы и выдавила из себя первое, что пришло на ум: – Как вам удастся сдерживаться?

Кривая белозубая усмешка сверкнула на надменном лице подобно разряду молнии. Он отступил на шаг, чтобы оглядеть меня с ног до головы. От его взгляда по коже бежала дрожь.

– Хорошо, что ты задала этот вопрос.

Вновь приблизившись так, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его глаза, мужчина тихо, почти что ласково шепнул. Вот только глаза его были холодны:

– Потому что сегодняшней ночью мой ответ – никак.

И прежде чем я осмыслила его слова, губы вампира властно накрыли мой рот. От неожиданности, испуга, страха – и тысячи иных чувств, разобраться в хитросплетении которых у меня не было ни возможности, ни желания – я опоздала с сопротивлением.

Через мгновение тело пронзила незнакомая дрожь, омывшая волной мурашек дрожащие руки, спустившаяся дразнящим ручейком через груди к животу и сосредоточившаяся в самой нижней его части.

Губы вампира были горячими. И это было еще одно удивленное открытие, осознать которое мне удалось лишь много позже. В ту минуту все мысли покинули ошеломленное сознание, предоставив верх чувствам.

Их было так много: изумление, недоверие, боязнь, что порыв вампира – всего лишь очередная хитроумная ловушка, рассчитанная на наивную человеческую женщину. Стыд от того, что несмотря на свой страх я все-таки не могла сопротивляться властной решимости, с кото-

рой его губы сминали мои, с каждой лаской по крупичкам крадя у меня остатки гордости. Его дыхание смешалось с моим, когда я, окончательно сдаваясь, приоткрыла рот, и в тот же миг настойчивый язык мужчины скользнул внутрь, сталкиваясь с моим собственным. Это было подобно взрыву. Не сдержавшись, я застонала, и этот стон был тут же поглощен жадным вдохом вампира.

Прижав меня к своему телу так, что я отчетливо ощущала жесткость пуговиц на его камзоле, мужчина пустился в изучение. Его дерзкие руки неторопливо двинулись в путешествие по моим плечам, постепенно спускаясь ниже. Тонкая сорочка не могла служить преградой, и каждый из нас это понимал. Прикосновение мужских пальцев к груди заставило тягучий ком в низу живота разрастись. Мне не нужно было даже видеть отражение, чтобы представлять, как распутно сейчас я выглядела: простоволосая, в тонкой сорочке, с распухшими губами после жадных поцелуев вампира, с твердыми сосками, натянувшими нежную ткань.

Эта картинка принесла стыд, но его оказалось недостаточно, чтобы найти в себе силы оттолкнуть мужчину.

Я сознавала, что таю в объятиях врага. Что уже завтра воспоминание о сегодняшней ночи заставит щеки пылать краской унижения, а мой мучитель будет проходить мимо меня с прежним выражением равнодушия на холеном лице.

Но слабое человеческое тело вновь предавало свою хозяйку. Предавало с каждым ускользящим ударом сердца. С каждым огненным цветком, что распускался на коже от прикосновений чужих пальцев. С каждым прерывистым вздохом, что срывался с губ после новой откровенной ласки.

Как я была слаба перед ним! Еще там, в пещере, ему не стоило никакого труда заставить меня дрогнуть.

В чем заключалась его сила? Он был красив, да, это было первым, что заставило меня поразиться, едва я впервые увидела вампира. Но разве в одной только внешности крылся секрет невыносимого притяжения, заставлявшего меня вновь и вновь искать встречи со своим врагом?

От него веяло мраком и холодом, но я, словно какой-то неправильный мотылек, летела в эту темноту, отдаваясь от света дальше и дальше. На церковных службах часто звучало слово «наваждение», и вот теперь мне довелось узнать, каким оно бывает на самом деле. Обычно это слово упоминалось в прямой связи с дьявольскими силами, и встретив вампира сегодняшней ночью, я бы не спешила отрицать его связь с дьяволом.

Мужские пальцы властно коснулись живота. Грубоватая шершавость тяжелой мужской ладони воспринималась обнаженной кожей необыкновенно остро.

Но именно это ощущение помогло мне прийти в себя. Вспышка страсти настолько затмила рассудок, что я даже не заметила, когда вампир успел проникнуть под сорочку.

Каких невероятных усилий мне стоило упереться руками в твердую грудь мужчины и, собрав остатки сил, оттолкнуть его от себя!

Он отшатнулся, но скорее от удивления. В его затуманенном взоре по-прежнему плясало пламя, но теперь оно вызывало лишь страх.

Я бросилась бежать, ведомая больше инстинктами, нежели велением разума. Убежать от застигнутого страстью вампира в его собственном замке – это было изначально невыполнимой задачей. Но в тот момент доводы рассудка не могли пробиться сквозь панику и желание скорее спрятаться, скрыться от мужчины.

Он настиг меня через три удара сердца, обхватив сзади и заключив в тесное кольцо своих рук. Я ляглась и брыкалась в его плену, но вот что странно – ни один из нас не издал ни звука. Словно существовал некий негласный уговор хранить хрупкую тишину, поселившуюся в этом помещении, от посягательств любых звуков, кроме как треска поленьев, сгорающих в камине.

Потому скрип двери раздался особенно громко.

Я находилась лицом к дверному проему, и лицо вошедшего оказалось прекрасно различимо даже в полумраке помещения.

Высокая женщина, на лице которой прежде доводилось видеть лишь презрение, сейчас представляла собой занятное зрелище. Если бы я не была застигнута врасплах предательством собственной плоти и реакцией тела на прикосновения врага, то, может, сумела бы по достоинству оценить произошедшие перемены.

Правильные черты незнакомки были перекошены от гнева, брезгливости и еще чего-то, что можно было расценить как ревность. Она замерла на пороге, одной рукой держась за дверную ручку, облаченная в длинное домашнее платье, навевшее мысли о том, что в таком виде женщины обычно ждут своих мужчин в спальне.

И выражение ее глаз, устремленных на стоявшего за моей спиной вампира не оставляло сомнений, кого именно она искала.

Хватка на моей груди ослабела. Руки вампира разжались, и я без труда высвободилась, вот только эта свобода почему-то не принесла удовлетворения.

Невыносимо остро ощущая себя лишней, я отошла в сторону, опустив голову вниз так, чтобы пряди волос прикрыли лицо. Щеки горели, внутри разгоралось разочарование.

– Аларис, – голос вампириши был ей под стать: высокий и звенящий, в нем, казалось, звучала ледяная сталь. – Я зажала тебя.

– Иризи, – его же голос звучал устало и холодно. – Кажется, я не говорил, что хочу видеть тебя сегодня.

Она, не обращая внимания на мое присутствие, смело шагнула в комнату и спустя миг уже обвила высокую фигуру мужчины своими руками.

– Тебе и не нужно ничего говорить, – сейчас ее голос звучал приглушенно, словно она уткнулась лицом в твердую грудь вампира. Отчего-то наблюдать за этой сценой становилось все невыносимее. – Ведь я – твоя невеста.

Прозвучавшее слово заставило меня ожить. Дернувшись, я, наконец, отмерла и устремилась к двери, наплевав на собственные чувства, присутствие двух вампиров и все, произошедшее здесь этой ночью.

– Стой. – произнесенное в спину слово заставило меня лишь ускориться: не было сомнений, что оно предназначалось именно мне.

Я почти бежала, когда впереди внезапно выросла преграда. Недовольный и откровенно разгневанный вампир возвышался непреодолимой стеной, да и на ощупь оказался не мягче. Не успев остановиться, я врезалась в него со всей силы, на мгновение воскресив в памяти, как столь же тесно наши тела были прижаты друг к другу всего несколькими минутами ранее.

Тяжело дыша, я исподлобья смотрела на вампира, ожидая пояснения. Что ему потребовалось от меня? Особенно теперь, когда нас с ним видела его невеста?

– Тебе не следует передвигаться по замку в одиночестве, – с этими словами он развернулся и устремился вдоль по коридору, чеканя шаг.

Прежде чем двинуться следом, мне потребовалось несколько мгновений на то, чтобы осознать его слова.

Остановившись у моих покоев, он молчаливо проследил за тем, как я скользнула внутрь и, не прощаясь, закрыла за собой дверь.

Удивительно, но я провалилась в глубокий сон, едва голова коснулась подушки. А в следующий миг яркое утреннее солнце уже светило в глаза, вынуждая неохотно проснуться и потянуться всем телом.

Внезапно острая боль во всех членах заставила меня резко распахнуть глаза и в голос застонать от унижения: я вспомнила все подробности прошедшей ночи, яркие картинки прижатых тел и откровенных ласк вампира пронеслись перед глазами. Осознание, что я чуть было не натворила, обрушилось на мою многострадальную голову.

Не помню, как я в то утро одевалась, завтракала – все время одна-единственная мысль судорожно билась в голове, заслоняя все остальные: как мне дальше жить с таким грузом на душе? Будет ли вампир делать вид, что ничего не произошло или теперь мне уготована роль сначала его любовницы, а потом и десерта? И как забыть про высокую вампиришу, как оказалось, являвшуюся невестой Алариса?

Эти бесконечные мысли вызывали головную боль. Я невольно застонала вслух, привлекая внимание сидевшей рядом Антии. Теперь почти все свободное время она проводила со мной, развлекая беседами или показывая свое творчество. У вампириши оказался необыкновенный талант в рисовании, её рисунки восхищали даже такую ничего не смыслившую в искусстве особу как я.

Из-под её порхающих рук выходили величественные замки, острыми шпильями упиравшиеся в грозное небо. Туманные пейзажи болот, где клубящийся туман обретал форму **в (убрать предлог)** зловещих образов из самых страшных ночных кошмаров. Зеленые равнины, залитые солнцем и неуловимым, но манящим привкусом простора и свободы.

Среди ее работ я встречала и несколько набросков женских платьев, которые, я уверена, легко произвели бы фурор не только в обществе вампиров, но и людей. Но девушка очень смущалась и не воспринимала это свое увлечение как нечто, способное из бумаги воплотиться в жизнь. Я несколько раз предлагала Антие показать эти наброски главной портнихе и попытаться воплотить в жизнь хотя бы один из них, но она отчего-то все медлила.

– Триана, что-то случилось? Ты сегодня с утра сама на себя не похожа.

– Все хорошо, просто я себя неважно чувствую. Наверное, обычная хандра, – мне было неловко обманывать дружелюбно настроенную ко мне девушку, но и открыть ей правду я просто не могла.

– Может, все же позвать лекаря? – она колебалась, и в некоторой степени её тревогу можно было понять: человеческие тела представлялись ей чем-то хрупким и подверженным всевозможным хворям, потому в любом моем чихе она подозревала болезнь.

– Не стоит, – мягко отказалась я и спустя пару мгновений все-таки озвучила вопрос, не оставлявший меня с самого утра. – Скажи, Антия, а кто такая Иризи?

Вампириша отложила в сторону карандаш, до этого мелькавший в ее тонких пальцах с такой скоростью, что я просто не могла поспевать за ним взглядом. На лице девушки повисло тревожное, чуть виноватое выражение.

– Ты ведь уже слышала, что существует несколько крупных кланов вампиров. Одним из таких является клан Делагарди, которым правит наша семья на протяжении уже нескольких столетий. К сожалению, достигнуть мира с другими кланами не представляется возможным, мы постоянно находимся на грани войны с себе подобными, уж не знаю, почему, – она вздохнула. – Иризи – родная сестра предводителя клана Крейц. Когда-то она вместе с братом прибыла к нам на переговоры, но ей приглянулся наш клан и правящая семья, и она решила остаться. Её брат в том не препятствовал, как и наш отец.

Картина получилась довольно ясной, пусть и безрадостной. Предводитель одного клана и сестра предводителя другого – их союз принесет обоим кланам столь необходимый мир, укрепленный брачным договором. Увы, в мире людей это было обычным явлением, и зачем Антие понадобилось столь долгое вступление, я искренне не понимала. Как не понимала и того, почему мое глупое безрассудное сердце так сжимается при мысли об Аларисе и Иризи.

Прошло несколько минут. Антия продолжала о чем-то болтать, но я, погрузившись в собственные переживания, даже не прислушивалась, пока краем уха не услышала знакомое имя:

– ...Аннора тоже поехала вместе со всеми, их не будет до вечера, наверное. Знаешь, я долго думала и наконец-то решилась. Перед обедом я встречаюсь с портнихой! Мне не хотелось делать это в присутствии сестры, она относится к моему увлечению довольно скептически. Если бы не ты, я никогда бы не решилась осмелиться на это.

Она искренне мне улыбалась, а в то же время в моей голове, обгоняя друг друга, стремительно мчались рискованные мысли. Если Анноры нет в замке, то я могу наведаться в ее покои и попытаться обнаружить там хоть что-нибудь, что могло бы помочь отыскать брата. К сожалению, в этой задумке Антия мне не помощник: приказы брата твердо сидели в ее очаровательной темноволосой голове, так что эта встреча с портнихой приходилась как нельзя кстати.

Да, я отдавала себе отчет, насколько рискованной будет эта выходка. Никто не станет мне помогать и относиться со снисхождением, но я действительно больше не могла продолжать делать вид, что все в порядке. Что в моем одиноком существовании в мире вампиров нет ничего необычного. Вчерашняя встреча в библиотеке послужила спусковым механизмом для моего истончившегося терпения, и я жаждала действий.

Потому спустя час, зорко заметив, как начала собираться на свою встречу вампиша, я невинно обратилась к ней.

– Антия, – ощущения подсказывали, что лгать единственному вампиру, настроенному ко мне с симпатией, было не самой приятной вещью. – Пожалуй, я пойду обратно в постель, полежу до обеда, и, надеюсь, приду в норму, – я старалась говорить как можно убедительней, боясь, что внимательная девушка заметит неладное в моем голосе.

Однако можно было не волноваться: вся в напряжении перед важной встречей, на которую она столь долго решалась, Антия и не обратила внимания на мой странный тон:

– Да, конечно, Триана, иди! Я передам слугам, чтобы не тревожили тебя до обеда.

Выйдя из комнаты и, для приличия, пройдя несколько шагов по направлению к своим покоям, я остановилась и прислушалась: все было спокойно, я даже слышала отсюда, как Антия тихонько что-то напевает себе под нос.

Расположение комнат в этой части замка я знала весьма приблизительно: во время ознакомительной экскурсии по замку подруга не стала особо распространяться, сдержанно отметив, что мне не следует здесь появляться. Но зато я знала, что двери в покои Анноры должны быть ярко-красными. Как-то я оказалась свидетельницей интересного диалога между сестрами об интерьере их комнат. Аннора намеренно игнорировала мое присутствие, старательно делая вид, что меня не существует, но большинство разговоров сестёр все равно происходило, когда я была рядом.

Я проходила мимо череды темных дверей, безликих и похожих друг на друга. Все внутри замирало от страха – стоило отвориться любой из них, и мое присутствие в запрещенной для этого части замка будет обнаружено. О последствиях я не думала, усердно отправляя эту мысль в самый дальний угол сознания.

Наконец, я нашла то, что искала. Действительно, эту дверь трудно было спутать с любой другой: смелый ярко-красный орнамент опоясывал её от порога и до верхнего края.

На секунду засомневавшись в разумности своих действий, но не желая отступать, я осторожно отворила тяжелую дверь, позволяя тусклому свету факелов, вбитых в каменные стены, осветить открывшийся проем.

Глубоко вдохнув, я вошла в комнату и затворила дверь за собой. Несколько минут потратив на то, чтобы разжечь заранее принесенную с собой свечу, я не сразу осознала, что не одна в комнате.

Испуганно обернувшись, я не сразу разглядела темный силуэт, неподвижно стоящий у занавешенного окна. Не зная, как поступить, я продолжала молчаливо разглядывать медленно поворачивающуюся ко мне фигуру, с каждой секундой с замиранием сердца узнавая знакомые черты.

– Дэйкас? – робко проговорила, боясь поверить в то, что действительно вижу перед собой брата.

Однако тот не спешил выражать восторг при виде меня. Напротив, он, словно сопротивляясь чему-то, хрипло проговорил:

– Уходи... Быстрее уходи отсюда.

– Но почему? – на глаза наворачивались бессильные слезы. Не так я представляла его реакцию на нашу встречу! Но я не желала сдаваться и заговорила снова, упрямо начиная двигаться к нему: – Дэйкас, я знаю, что они с тобой сотворили! Но ты все равно был и всегда останешься моим любимым старшим братом, – при этих словах я подходила к нему, желая обнять столь дорогого для меня человека. – Пожалуйста, только не прогоняй! Мне так плохо без тебя.

И только приблизившись так близко, что огонь осветил замершую у окна фигуру, я внезапно начала понимать, почему же мне было запрещено видеться с братом.

Глава шестая

Огонёк свечи дрожал и трепетал в расширенных зрачках Дэйкаса. Ни у одного человека не могло быть таких пронзительных алых глаз, словно завешенных пеленой огня. Я замерла на миг, наконец, начиная осознавать, что мой брат теперь не человек, а смертельно опасный хищник, идеальная машина для убийства.

На какую-то секунду на лице вампира промелькнул отголосок внутренней борьбы, которую вели остатки человека в его душе с новоприобретенной сущностью, но когда он внезапно за одно смазанное движение оказался совсем близко ко мне, я поняла, что человек в нем проиграл.

– Остановись, это же я, Триана! – я успела выкрикнуть, прежде чем почувствовала его руки на своей шее.

При звуках знакомого имени брат на секунду словно очнулся и, осознав, что может натворить, с силой отшвырнул меня от себя. С грохотом пролетев через половину комнаты, я на полном ходу врезалась в массивное зеркало, стоявшее рядом с кроватью. Рука нещадно засадила, по-видимому, сразу несколько осколков впились в кожу, от резкого удара вспышка боли пронзила тело, но я не замечала ничего. Все мое внимание было приковано к приближению голодного вампира, бывшего мне братом.

Отшвыривая попадающуюся на пути мебель, он неумолимо двигался ко мне.

Из последних сил я резко рванулась к двери, разумом созная, что не успеваю, все равно не успеваю ее отворить, как в этот момент она сама внезапно распахнулась, явив моему невнящему взору незнакомого вампира, явно разгневанного. За его спиной я успела заметить взволнованную Антию, заламывающую руки, и еще нескольких незнакомых вампиров, которые, мгновенно оценив ситуацию, ринулись умирять разбушевавшегося Дэйкаса.

Остального я не увидела: незнакомец играючи, словно я была невесомой куклой, закинул меня к себе на плечо и понес из комнаты. Твердое тело, словно вылепленное из мышц, отталкивало, ощущать на себе чужие прикосновения было невыносимо, грудь распирали невыплаканные слезы, а сердце... Сердце безмолствовало, и вот это ощущение было невыносимее всего. Я боялась, что отныне после этой встречи с братом так будет всегда.

Знакомая гостиная, в которой мы с Антией обычно проводили время, встретила привычной тишиной.

Сгрудив мое безвольное тело на кушетку, незнакомец повернулся и вышел, по-прежнему не произнеся и слова. Не прошло и минуты, как в дверях возник знакомый стройный силуэт.

Не было душевных и физических сил даже пошевелиться, словно я была лишь опустошенной оболочкой, лишенной эмоций и чувств.

Антия без слов устроилась напротив меня, мы молчали, не зная, что сказать друг другу, когда все и так было понятно. Спустя время вампириша, устав от тишины, первой нарушила тягостное молчание:

– Я бы даже не узнала, что с тобой, если бы тот слуга вовремя не поднял тревогу.

– Извини, если подвела тебя, – все, что я смогла ей ответить.

Она немного помолчала, прежде чем вдруг произнести:

– Я понимаю, почему ты так поступила. И, знаешь, в какой-то степени я тебе даже завидую.

Эти неожиданные слова сумели даже пробить ледяную броню моего равнодушия. Не сдержавшись, я подняла удивленный взгляд на собеседницу. Правильно его расценив, та неожиданно горько усмехнулась:

– Смешно звучит, да? Я завидую пленнице, простому человеку – слышала бы это Аннора! Она бы подняла меня на смех. Но это действительно так: я завидую вам обеим. Удивительно, но вы даже в чем-то похожи. Обе не боитесь идти наперекор чужим словам и запретам, не боитесь действовать. В то время как все, что делаю я, – лишь сижу да вожу карандашом по бумаге.

Я молчала, и она приняла это молчание за негласное одобрение продолжения.

– С самого детства я была послушной дочерью, не смевшей ослушаться отца или нянек. Аннора и Аларис сбегали из замка драться с дворовыми мальчишками, вечно ходили в синяках и не успевали отрабатывать наказания, а я была образцовым ребенком, которого всем ставили в пример. Я была младше, они не звали меня с собой, а когда повзрослела, то уже сама боялась почувствовать на себе гнев отца или вызвать недовольство матери. Мне так хотелось нравиться всем! Жаль, но в мире вампиров это невозможно.

– Как и в мире людей, – эхом отозвалась я, постепенно возвращаясь в реальность. Не знаю, было ли это истинной целью откровений вампирши, но они действительно помогли мне опомниться. Да, мой последний оплот в этом странном страшном мире вампиров исчез. Но... это было лишь моей виной, я не могла винить того, кем стал Дэйкас, в произошедшем. Оставалось лишь выяснить, узнать, возможно ли, что спустя какое-то время, когда он перестанет столь остро испытывать голод, разум вернется к нему? Удастся ли его памяти воскреснуть? Смогу ли я принять того, кем он стал?

Но спросить все это у Антии я не успела. Распахнулись двери, и в гостиную влетела – иначе и не скажешь – холеная блондинка, излучающая довольство. Иризи. Я напряглась в ожидании нападок, и они не заставили себя долго ждать.

– Что ты устроила сейчас? Решила, наконец, окончить свое жалкое существование? Уж лучше тебе было погибнуть там, – она притворно вздохнула. – Представляю, что устроит Аннора, когда узнает.

– Уходи, Иризи, – вмешалась молчавшая до этого Антия. – Тебе здесь не рады.

– И ты здесь, маленькая человеческая подпевала, – пропела вампирша, оборачиваясь к замершей в настороженной позе девушке, словно только что её заметив. Судя по безмолвному поединку взглядов, будущая супруга брата не вызывала у Антии добрых чувств. – Недолго тебе осталось здесь командовать. Как только я стану женой Алариса, вы с сестрой тотчас же отправитесь обратно к родителям.

Я знала, что обе сестры вампира предпочли жить у брата, посещая родительский замок лишь по большой необходимости. Это было еще одной странностью мира вампиров: ни одна человеческая принцесса или принц не смогли бы столь самовольно покинуть дворец, чтобы жить вместе с кем-то из старших братьев или сестер. Но вампиров, похоже, подобные условия мало интересовали. И я могла только позавидовать этой свободе.

– Не очень умно с твоей стороны, Иризи, – с укором произнесла её собеседница, выпрямив и без того идеально прямую спину. – Произносить такие вещи вслух. В конце концов, всегда существует вероятность, что женой брата станешь не ты.

– А кто же тогда? – заливисто рассмеялась беловолосая девушка, ничуть не проникнувшись услышанным. – Уж не она ли?

И она указала на меня. Однако Антия не спешила смеяться.

– Да даже если и она. Своим поведением ты добьешься, что я поддержу любую другую избранницу брата – кроме тебя.

– Да кому нужна твоя поддержка! – а вот сейчас светловолосая вампирша распалилась не на шутку. – Ты – бесполезна, Антия. Все, что ты можешь, – это портить бумагу своими каракулями.

Она окинула небрежным взглядом сестру Алариса и вновь обернулась ко мне.

– Вы, людишки, жалки и беспомощны. Вы не умеете мыслить, чувствовать. Единственное ваше предназначение – служить пищей, – она хищно осклабила зубы. – Я бы побрезговала тебя даже взять в постель.

– Скажи это своему жениху, – тихо произнесла я, когда её слова неожиданно задели какую-то болезненную точку внутри. Упоминание о постели всколыхнуло непрощенные воспоминания о встрече в библиотеке, и эти мысли возникли не у меня одной.

С рычанием Иризи бросилась на меня, и если бы не вовремя среагировавшая сестра Алариса, ухватившая будущую родственницу за локоть и, тем самым, остановившая её порыв, моя бесславная жизнь закончилась бы столь же бесславно прямо в этой комнате.

– На что ты надеешься, идиотка? Вообразила, что понадобится Аларису? Да, может он возьмет тебя, утолит интерес – каково это, спать с человечкой. А затем ты отправишься на кухню, к остальному сброду. Помяни мои слова! Очень скоро твоя жизнь закончится! Думаешь, эта – она пренебрежительно указала на вцепившуюся в её локоть бледную Антию. – Поможет тебе? Да она сделает все, как скажет брат, она же с его рук ест!

– Довольно, Иризи.

Зазвучавший голос мог бы выстудить солнце.

В широко распахнутых глазах блондинки мелькнул откровенный страх, и я не могла винить её за это, ибо сама испытала схожее чувство.

Аларис – это был именно он – возвышался на пороге, кажется, разом заполонив собой всю комнату. Высокий, внушительный и откровенно разъяренный.

Сколь много ему довелось услышать?

Точно в подтверждении моих смятенных мыслей, мужчина холодно повторил:

– Достаточно. Ты уже произнесла больше, чем следовало.

– Аларис, я... – она попыталась запротестовать, но вампир был непреклонен:

– Норму откровений на сегодня ты перевыполнила. Уведите её, – он кивнул на замершую в растерянности Иризи, и откуда-то из-за его спины молниеносно возникли две крепкие фигуры. Оскорблено передернув плечами, вампирша не стала ждать, пока ей помогут удалиться, и направилась к выходу сама.

Я попыталась вжаться в кушетку, стать её частью, лишь бы он разгневанный вампир не заметил меня.

Увы, этого не случилось. Ледяной взгляд устремился к моей скрючившейся фигуре, глаза мужчины опасно сощурились.

– Ты! – больше он ничего не произнес, но сколько в этом слове было эмоций!..

Я, продолжая находиться в некоем оцепенении, боялась взглянуть в глаза своего мучителя, опасаясь всего, что могу в них увидеть. Он же, устав ждать, пока я осмелюсь посмотреть на него, в два шага оказался рядом, грубо ухватил меня за плечо, заставляя подняться, и потащил из комнаты. На секунду обернувшись, я успела увидеть сочувствующий взгляд Антии, прежде чем мы оказались в просторном коридоре. С трудом поспевая за разъяренным вампиром, я осознала, что мы движемся отнюдь не в направлении отведенных мне покоев.

Массивные двери были незнакомы, как и само крыло. Буквально влетев в комнату, Аларис затащил меня внутрь за собой и, прежде чем я смогла оглядеть незнакомую обстановку, решительно швырнул меня на кровать. Та не ожидала столь жестокого обращения и жалобно всхлипнула, когда мое тело с силой ударилось о её спинку. Я же все так же, словно в забытьи, ждала дальнейших действий вампира, в глубине души понимая, что все его обвинения будут заслуженными и справедливыми. И они не заставили себя долго ждать:

– Безмозглая человеческая девчонка! О чем ты думала? Я приказал тебе забыть о встрече с братом! Ради твоей же безопасности! Неужели мой приказ был не ясен? Мне и без того с трудом удастся сдерживать недовольство остальных вампиров в замке, а твои рискованные выходки дают им лишний повод! Задумывалась ли ты хоть раз, какому искушению подвер-

гаешь любого вампира здесь, не говоря уже о новообращенных? Ты осознаешь, что произошло бы, если не приставленный следить за тобой слуга? – он продолжал что-то кричать, я же даже не вникала в смысл его слов, пребывая в странном оцепенении.

Когда, наконец, поток его ругательств иссяк, и мужчина повернулся ко мне, ожидая слов раскаяния, я почувствовала, как так долго не отпускавший меня ступор спадает, а глаза наливаются слезами боли, слезами окончательной потери последнего дорогого мне человека. В памяти вновь воскресла сцена, когда сверкающим алым взглядом брат бросается ко мне, чтобы убить.

Не в силах больше сдерживаться, я обессилено опустилась на перину, уже не скрывая лавины слез, хлынувших, как только голова оказалась на подушке. Заглушая рыдания рукой, я пыталась остановить надвигающуюся истерику, понимая, что проигрываю ей. Как в этот момент вдруг почувствовала сильные прохладные руки, заключившие меня в кольцо надежных объятий. Я потрясенно уткнулась лицом в грудь вампира, слишком обессиленная и опустошенная, чтобы задуматься над столь несвойственным и неожиданным проявлением сочувствия со стороны того, кто, казалось бы, никогда даже не мог его испытывать. Он же дикарь! Варвар, для которого люди – лишь средство утоления жажды, не больше. Но почему тогда в его объятиях так спокойно и тепло?

Не знаю, сколько времени прошло, когда я потихоньку пришла в себя, продолжая лишь изредка шмыгать носом. Наконец, осмелев, подняла голову и тотчас же попала в плен пристального взгляда вампира. Он ничего не говорил, просто молчал и смотрел на меня: внимательно, пытливо, словно пытаюсь понять или разгадать что-то. Под этим взглядом непривычное тепло вдруг разлилось в душе, сердце взволнованно забилося. Я почувствовала, как краска залила лицо, едва осознала, что мужчина прекрасно мог расслышать этот участвовавший пульс, но глаз не опустила. Несколько минут мы продолжали лежать, глядя друг на друга, но когда мужчина только разомкнул губы, собираясь что-то произнести, как раздался громкий стук в дверь.

За одну секунду он оказался на ногах, отдаленный, невозмутимый как обычно, и лишь мокрая на груди рубашка доказывала, что мне это не снится, и что это именно он еще несколько минут назад меня ласково успокаивал. Быстро встав с кровати, я села в большое кресло, стараясь пригладить рукой встрепанные волосы и подправить помявшееся платье. В этот момент в комнату вошла все та же неугомонная Иризи, которая сегодня, кажется, решила побить рекорд нашего с ней общения. Даже особо не приглядываясь, было видно, что красotka находится в ярости. Не глядя в мою сторону, она произнесла высоким от напряжения голосом:

– Аларис, нам нужно поговорить. Сейчас же.

Он скривился, но не столько от смысла просьбы, как скорее от тона – та прозвучала опасно близко к приказу, а приказов кроме своих собственных этот вампир не признавал, даже я это твердо знала.

– В кабинет, – прозвучал его отрывистый ответ. Не взглянув на меня, вампир провел свою гостью в смежную комнату, служившую, как можно было понять из его слов, кабинетом, и плотно прикрыл за собой дверь.

Я же, просидев так немного времени, поняла, что больше не в силах вынести бездействие. Но покидать эту комнату не рискнула, отчего-то будучи уверенной, что такой поступок лишь разгневет Алариса. Поднявшись на ноги, я подошла к окну. Привычным жестом отдернув занавески, в первый миг не обратила внимания на странную конструкцию окна, а приглядев-шись, я чуть не задохнулась от восторга: это было не окно, а причудливой формы дверь, ведущая на балкон. С небольшой опаской я осторожно вышла наружу, в первый раз за долгое время оказалась на свежем воздухе – и все мысли вылетели у меня из головы при виде открывавшейся картины. Прямо подо мной брала свое начало та самая пропасть, которую я каждый день видела из окна столовой. Но здесь... она оказалась в тысячу раз более грозной, опасной, но вместе

с тем такой соблазнительной, манящей своей пустотой, которая с приближением сумерек, так и звала к себе, туда, где нет боли и страданий, а есть только спасительный мрак и покой...

Внезапно мои размышления были прерваны томным женским голосом, прозвучавшим, казалось, прямо у меня над ухом:

– Аларис, мы с тобой вместе уже немало времени. И всем известно, что рано или поздно я стану здесь хозяйкой. Ответь мне, своей невесте, что с тобой происходит? С появлением этой жалкой девчонки ты стал сам не свой. Я не обращала на это внимания, думая, что ты лишь оттягиваешь наслаждение десертом, но проходят дни, а она все еще здесь. Живая. Мне перестало это нравиться, и, уверена, брат не одобрит такое, когда узнает. А сегодняшний поступок человечихи просто немыслим – весь совет в негодовании!

Я в изумлении оглядывалась, пока не увидела распахнутые оконные створки, находящиеся прямо рядом с балконом. Наверное, двое в кабинете не заметили открытых окон. Или просто не стали обращать на это внимание.

Внезапно голос вампира раздался совсем близко, я даже отшатнулась в первое мгновение, испугавшись, но все объяснилось просто: Аларис заметил раскрытое окно и подошел его закрыть.

– Иризи. Мне давно следовало поговорить с тобой. Поговорить о нас... – в этот момент тихо щелкнули оконные запоры, и окончания фразы я уже не слышала.

Но мне не нужно было даже слушать их, чтобы понять, о чем пойдет речь. Судорожно отвернувшись, я медленно подошла к самым перилам, чуть нагнувшись, невидяще глядя на разверзнувшуюся пасть обрыва подо мной. Я была просто раздавлена, но не услышанным, а тем каскадом чувств, что обрушились на меня после: боль, обида, гнев, унижение, ревность... Что творилось в моей душе?

Я никогда прежде не испытывала таких сильных чувств, но не нужно было быть ясновидящей, чтобы понять простую истину – я полюбила его. Неизвестно, когда это случилось, и как могло мое глупое сердце влюбиться в своего мучителя, в дикого необузданного вампира, так легко забирающего чужие жизни. Наверное, я и впрямь была круглой идиоткой, как в сердцах выкрикнула Иризи, раз в момент, когда моя собственная жизнь находилась на самой грани, умудрилась проникнуться чувствами к врагу.

Горько усмехнулась, вспомнив старую людскую присказку, что любят не за что-то, а любят вопреки... Так и со мной – я полюбила Алариса вопреки всему, что он сотворил. Но у этой неправильной любви не было и не могло быть счастливого исхода, она была обречена с самого начала. И как дальше жить с зияющей раной вместо сердца, я не знала. А пропасть внизу все манила и звала к себе.

Внезапно долгожданное решение, яркой вспышкой мелькнувшее в голове, заставило меня округлить глаза: как я раньше не додумалась об этом? И облегченно улыбнуться, ведь теперь я знала, как поступить.

В тот момент все происходящее воспринималось измученным сознанием как нереальный сон, в котором я медленно забралась на самый край перил и, зажмурившись, раскинула руки, готовясь взлететь как птица.

На секунду приоткрыв глаза, я, казалось, заглянула в самое сердце пропасти, услышала ее молчаливый призыв, обещание избавить от всех душевных терзаний. Не дав себе больше времени на размышления, собравшись с духом, я сделала шаг в пустоту... и почувствовала, как сильные руки в самый последний миг хватают меня и втаскивают обратно на балкон.

Я изо всех сил начала отбиваться, желая, чтобы мне дали закончить начатое, но у моего мучителя были совершенно иные планы. Грубо затащив в комнату и швырнув меня на кровать, вампир навис надо мной, обессилено лежащей на мягких покрывалах, и задал всего один вопрос. Его глаза сверкали, крылья носа хищно раздувались, вне всяких сомнений, он пребывал в бешенстве.

– Почему?

Я лишь смотрела в его расвирепевшее лицо, не в силах вымолвить и слова. В самом деле, что я могла ему сказать? Признаться в любви? Никогда! Я не стану унижаться до такой степени, признаваясь в любви тому, кто с самого начала дал ясно понять, что ничего, кроме презрения, ко мне не испытывает.

Аларис, поняв, что ответа от меня не дождется, резко отошел к окну, встав спиной ко мне, и проговорил бесстрастным голосом, не подозревая, что отвечает на вопросы, которые я так и не успела задать Антие:

– Зачем нужно было совершать столь безрассудный поступок? Если произошедшее с братом тому причина, тогда ты поторопилась. Он придет в себя спустя время, когда самая первая жажда крови будет удовлетворена. Я хотел сказать об этом перед приходом Иризи, тебе нужно было лишь дождаться окончания разговора.

В этот момент он замолчал, словно обдумывая какую-то внезапно пришедшую в голову мысль, а затем медленно обернулся. В его горящем безумством взгляде плясало пламя, и меня заранее пугало все, что он хотел сейчас сказать или совершить.

– А может, ты решилась на это вовсе не из-за брата? – при этих словах он медленно приближался ко мне, его глаза пылали, одновременно отпугивая и маня глубиной цвета расплавленного золота. Я чувствовала, как теряю саму себя, глядя в них. Он же, напротив, с каждым вкрадчивым шагом становился похож на опасного хищника, приготовившегося к атаке.

– Что вы хотите сделать? – мой голос дрожал, и выговорить фразу полностью удалось не с первого раза.

– Закончить начатое, – ответ был лаконичен и безжалостен.

Я пятилась до тех пор, пока затылком не уперлась в спинку кровати. А мой мучитель наслаждался выражением моего лица, стоя прямо передо мной.

– Так она была права? – он молчал, и это молчание подстегнуло меня заговорить торопливо, быстро, стараясь успеть, пока он слушает. – Ваша невеста? Говоря, что я – всего лишь игрушка для постельных утех, годящаяся на один раз?

Его лицо помрачнело.

– Замолчи, – отрывисто бросил он, перед тем как опуститься на кровать. Та прогнулась, жалобно застонав под тяжестью мужского тела. – Просто молчи.

Решив не показывать своего испуга, я действительно замолчала, следя за расположившимся рядом вампиром. Он не стал медлить: за один миг оказался вплотную и резким движением ухватил мои руки, соединяя воедино. Одной ладонью он без труда удерживал мои запястья вместе, пока второй начал расстегивать крючки платья. Действия мужчины не оставляли сомнений в его намерениях.

Не выдержав, я начала сопротивляться – точнее, пытаться это делать. Но мои усилия не доставляли ему никакого неудобства, разве что терпения вампиру отчаянно не хватало. Он резко дернул – и ткань послушно затрещала, расходясь по шву, оголяя тело.

Отчаяние переполняло мою душу – я не хотела, чтобы все происходило так! Пусть мое сердце сжималось в порыве глупой нежности и тепла рядом с этим вампиром, но отдаваться его импульсивному порыву, лишенному всяческих чувств и тепла, было унижительно.

Поэтому я изо всех сил барахталась в железных объятиях, стараясь высвободить руки и помешать тому, что происходит.

Губы мужчины недовольно разомкнулись.

– Ты ведь хочешь этого не меньше. К чему сопротивляться?

– Не хочу! – тяжело дыша от безуспешных усилий освободиться, пробормотала я, с вызовом глядя на него.

– Лжешь, – его слова прозвучали точно приговор. – Твои глаза говорят все за тебя. И я заставлю тебя признать это. Сегодня.

С этими словами он быстро снял с меня уже расстегнутое платье, просто стащив его вместе с нижними юбками. На несколько мгновений мои руки оказались свободны, но я замерла, глядя на предводителя вампиров широко открытыми глазами, сгорая от стыда и унижения.

Зачем он так поступает со мной?

Мужчина поднялся с кровати. Его ожесточенное лицо было непроницаемо равнодушно – словно он решал в уме какую-то непростую задачу или вел очередную битву. Меньше всего на свете сейчас он походил на пылкого любовника.

Под его тяжелым взглядом я скрестила руки на груди и подтянула колени к животу, стремясь укрыться, спрятаться. Он же в полном молчании раздевался, и я отвернулась, не в силах смотреть на его обнаженное тело.

На глаза наворачивались слезы бессилия.

Матрас прогнулся под телом вампира, и я осознала, что обратной дороги нет.

Сжавшись всем телом, я закрыла глаза и начала ожидать прикосновения чужой руки. Томительно текли мгновения, а его все не было. Устав ждать, я приоткрыла глаза – и натолнулась на насмешливый мужской взгляд.

В то же мгновение выражение его глаз переменялось. Насмешка уступила место недоброму пламени, заплывавшему в расширенных зрачках.

Обманчиво ленивым движением он потянулся ко мне, и снова мои запястья оказались охвачены широкой ладонью. Вторая рука по-хозяйски вольготно опустилась на мою шею, чуть сжав ее.

Я смотрела на своего мучителя, нагая и беспомощная, и ждала его действий. Может, он сейчас милостиво убьет меня? Чуть сожмет сильные пальцы – и хрупкая шея послушно сомнется, переломится в его руках.

Но он не был настроен так благосклонно.

Его рука двинулась в неторопливое путешествие по моему телу – он спустился до груди, очертив ленивый полукруг вокруг незащитной плоти, чем вырвал из моей груди сдавленный вздох.

Я попыталась брыкнуться, но он устал терпеть мое своеволие: за одно смазанное движение, он оказался совсем близко, его ноги придавили мои собственные, лишив последних крупиц свободы.

От тела вампира исходил жар. Было неловко ощущать чужое обнаженное тело так неприлично близко. Казалось, если я сосредоточусь, то смогу почувствовать каждый прижимающийся ко мне выступ, каждую часть тела вампира...

И в местах, где наша тела соприкасались, моя кожа начала заниматься странным огнем.

Ладонь вампира тяжело легла на мой живот, от чего я дернулась всем телом, но сумела промолчать. Он очертил круг вокруг пупка, не отрывая взгляда от моего лица. И видеть его пристально следящие за мной глаза было чуть ли не более неловким, чем ощущать полные откровенности прикосновения к телу.

Я задрожала, осознав, куда лежит путь его ладони, когда мужская рука двинулась ниже. В слепой попытке защититься, я попыталась плотно сжать ноги, но чужое колено не позволило мне этого сделать: беспомощная и лишенная возможности двигаться, я находилась полностью в его власти.

Безжалостная в своей откровенности ладонь двинулась по внутренней стороне моих бедер, кругами поднимаясь все выше. От остроты переполнивших меня чувств я даже на миг попыталась закрыть глаза, но мой мучитель отреагировал на это недвусмысленно: ладонь, державшая мои запястья, чуть усилила напор, вынуждая меня распахнуть глаза от болезненных ощущений. Как только вампир вновь поймал меня в плен своего взгляда, хватка медленно разжалась, словно предупреждая. Я осознала это предупреждение и впредь не смела пытаться скрыть от него выражение глаз.

Полностью завладев моим вниманием, вампир двинулся выше, подобравшись почти вплотную к сокровенному уголку моего тела. Я сжала зубы, намереваясь бесстрастно вытерпеть его прикосновение, чего бы мне это не стоило, но... Шли мгновения, и ничего не происходило.

Вампир намеренно медлил, наслаждаясь моим напряженным ожиданием неизбежного. В ушах отдавалось учащенное биение сердца, кровь шумела в голове, тело было налито странным незнакомым томлением, словно оно тоже чего-то ждало. Но чего?

Этим вечером Аларис показал мне, что именно жаждало мое тело и, как оказалось, проснувшаяся грубая чувственность, когда одним неторопливым движением его пальцы нашли сосредоточие моей женственности и властно коснулись его.

Словно удар молнии меня пронзило нестерпимое, невыносимо острое желание. Всем телом судорожно дернувшись, я почти с испугом смотрела в потемневшие глаза вампира, точно без слов умоляя его объяснить, что со мной происходит.

Мужчина на миг ухмыльнулся – совершенно порочно, опытно, – а после всем телом привалился ко мне, разжимая ладонь и выпуская мои руки на свободу. Вот только эта свобода мне уже нисколько не понадобилась.

Я погрузилась в забытие, в котором отдельными всплесками разума запечатлелись чужие горячие руки на моем теле, безжалостные губы, терзавшие мой рот, твердость словно вылепленного из мышц чужого тела, хриплый бессвязный шепот над ухом, из которого я не понимала ни слова.

Боль – резкая, острая, долгим эхом звеневшая по телу.

А потом снова забытие из прикосновений, учащенного биения сердца, влажных прядей волос, налипших на лоб и движений двух тел в едином ритме. Нарастающее томление, дрожь, слабость, охватившая всё тело, выгнувшееся дугой в незнакомом чувственном ожидании. Чужое горячее дыхание у меня на лице – и облегчение, навалившееся разом и со всех сторон, затопившее меня прохладной волной, смывшее все мысли и чувства, и оставившее после себя лишь блаженную пустоту.

И вампир действительно исполнил свое обещание, заставив меня выпустить ту сокровенную тайну, что совсем недавно обрела пристанище в моем сердце. В момент, когда напряжение, владевшее телом, казалось беспощадным жгутом, перетянувшим все мои внутренности в ожидании разрядки, достигло наивысшей точки, чтобы секундой позже разлететься на части, погребая под остатками такую маленькую меня, я не выдержала и, не осознавая, что делаю, прошептала: «люблю»...

Очнулась я лишь спустя время, с трудом осознав, где нахожусь. Вторая половина кровати была пуста, и лишь сбившиеся покрывала да простыни свидетельствовали о случившемся.

То, что произошло, было настолько невозможным... То, что начиналось как насилие, закончилось словно волшебный сон, подаривший мне самые яркие эмоции за всю мою жизнь.

Вот только почему на душе вдруг резко стало одиноко и тоскливо?

Притянув к себе ноги и свернувшись в клубок, я дала волю слезам.

Глава седьмая

Этой ночью Аларис так и не вернулся в свои покои. Я пришла к этому неутешительному выводу, проснувшись утром в одиночестве от неясного шума и громких голосов где-то за стеной.

Ругая себя последними словами, я медленно оделась, с тоской оглядывая разошедшееся по боковому шву платье, понимая, что у любого, кто меня сейчас увидит, не останется никаких вопросов, где и с кем я провела эту ночь.

Но удача явно благоволила мне сегодня. Ничем иным объяснить отсутствие обитателей замка на моем пути я не смогла. Оказавшись за спасительной дверью своих покоев, я наконец-то ощутила, как напряжение, не оставлявшее меня с момента пробуждения, идет на спад.

Жалея об отсутствии горячей ванны, я обтерлась водой из кувшина, растягивая мгновения. Но как бы я не тянула, миг, которого я столь боялась, все же настал. Сблазн остаться в комнате и никуда не выходить был велик, но я осознавала, что это будет сродни бегству, открыто проявленной слабости. А добавлять еще одно унижение к уже имевшемуся списку я не желала.

Поэтому, собрав все силы и гордость в кулак, я направилась в столовую. Антия уже дожидалась меня там.

Хрупкий силуэт замер у огромного окна, задумчиво глядя куда-то вдаль. При звуке моих шагов она стремительно обернулась, с заметной тревогой на лице вглядываясь в мои глаза.

Мне не хотелось ничего ей говорить. Слишком разрозненными и противоречивыми были мои собственные ощущения и чувства, чтобы пытаться донести их до кого-то другого.

Вероятно, мое состояние не стало для неё загадкой, так что она лишь слабо улыбнулась и без слов усадила меня за стол, заставив в очередной раз поразиться удивительной чуткости сестры Алариса.

Завтракала – а по времени скорее обедала – я в полной тишине, прерываемой лишь звоном тарелок и хрустом карандашей. Вампирша пыталась рисовать, но отвлекаясь на какие-то явно невеселые мысли, не могла совладать с собой, беспрестанно ломая хрупкие приспособления для письма. Её волнение было настолько осязаемо, что сумело заинтересовать даже погруженную в собственные размышления меня: неужели причина такого непривычного состояния обычно жизнерадостной и улыбчивой девушки во мне? Точнее, в том, что я провела ночь с её братом? Безусловно, я понимала, что в том для нее мало радости, но и причин для столь явной озадаченности я упорно не видела.

Наконец, закончив трапезу, я сделала глубокий вдох, собравшись с духом, намереваясь рассказать Антии обо всем. Она действительно заслуживала этого рассказа, наверное, единственная во всем этом замке. Девушка поймала мой взгляд, и карандаш замер в ее руке, прервав ровную линию небрежным зигзагом.

С чего нужно было начать?

Я только открыла, было, рот, но, наверное, само провидение было против моей откровенности. Потому как именно в этот момент в комнату влетела хорошо знакомая вампирша.

С громким треском отшвыривая предметы, попадавшие ей на пути, Иризи – а это была именно она – при виде меня угрожающе сощурила взгляд, а в следующую секунду уже оказалась рядом. Антия вскочила столь стремительно, что даже мне не удалось заметить её движений, и заняла защитную позицию, встав между мной и блондинкой. Ноздри той хищно раздувались, глаза были прищурены, она так напоминала сейчас дикое животное, готовое к нападению, что я действительно ощутила страх. Ей ничего не стоило убить меня сейчас, и даже Антия не сможет ей помешать.

– Уйди, – она вытолкнула это слово, предназначавшееся Антие, сквозь сжатые зубы.

– Нет, – удивительно твердо произнесла вампирша, и я в этот момент невольно залюбовалась ею: хрупкая, изящная, она едва ли доставала блондинке до плеча. Но сколько уверенности, сколько достоинства и гордости было в ее позе! Ни один учитель манер, ни один талмуд по правилам этики не сможет научить такому – с этим нужно лишь родиться.

– Боишься, что я оторву твоей игрушке голову? – зло усмехнулась её соперница, но что-то в интонации свидетельствовало, что оказанный отпор явился для нее неожиданностью. Сколько еще сюрпризов таила в себе хрупкая Антия? – Я не стану мारать об нее руки. Все, что мне нужно – это сказать пару слов.

Антия колебалась, и я неожиданно для себя коснулась ее рукой, удивляясь этому порыву: наверное, сегодняшний поступок вампирши заставил меня окончательно ей довериться.

Правильно расценив мой взгляд, она сделала крошечный шаг в сторону, позволяя блондинке видеть мое лицо.

Отчетливо и зло та заговорила, с ненавистью всматриваясь в мои черты, точно пытаюсь запомнить.

– Не думай, что ты победила, жалкая человеческая девчонка. Аларис может говорить все, что угодно, но ты все равно умрешь. Просто игрушка, просто постель. Запомни мои слова. Ты ничего для него не значишь. Твой срок отмерен, а я буду с ним всегда.

Со злостью выплюнув последние слова, она так же стремительно удалилась, оставив после себя разгромленную комнату и меня, находящуюся в глубоком удивлении от ее слов. Нет, вовсе не от угроз, в них содержащихся, – иного я и не ждала от темпераментной вампирши. Но вот тон, с которым она их проговорила... Словно признавая за мной победу, пусть не в войне, а в отдельном сражении. Вот только я не припоминала, чтобы мы схлестнулись с ней на поле битвы.

Антия подняла упавший стул и, немного помявшись, заговорила:

– Не стоит принимать слова Иризи близко к сердцу. Сейчас в ней говорит лишь оскорбленное самолюбие.

Неужели ночь, проведенная Аларисом со мной, так задела Иризи? Я нахмурилась, отказываясь что-либо понимать. В мире людей мужчина мог иметь сколько угодно фавориток, и ни одна невеста или жена не позволяли себе столь прилюдно демонстрировать потревоженное самолюбие. За время моего пребывания в стане вампиров я сделала выводы, что и у вампиров подобное в порядке вещей. Стало быть, я ошибалась?

Я ждала пояснений, и Антия, осознав, что в моем упрямом молчании кроется ожидание, лаконично пояснила:

– Вчера брат расторг их помолвку.

В ответ я лишь ошеломленно смотрела на нее, не в силах осознать услышанное. Если бы не серьезное лицо Антии, я бы даже решила, что она лукавит. Расторгнуть помолвку! Это было сродни очень большому унижению для отвергнутой половины, и теперь я начала понимать чувства Иризи чуть лучше. Но вновь я не могла не задаться вопросом – неужели она могла счесть меня причастной к этому решению Алариса? Чем руководствовался вампир, совершая столь политически необдуманные, с моей точки зрения, поступки?

В этот момент Антия, еще сильнее нахмурившись, продолжила, и мне, наконец, стала известна истинная причина озабоченности моей собеседницы:

– К несчастью, у Иризи слишком большое влияние на слуг и не только их. Её брат – глава одного из самых кровожадных кланов, он наводит ужас не только на людей, но даже и на большинство вампиров. Иризи охотно пользуется репутацией брата, боюсь, как бы она не совершила опрометчивых поступков, руководствуясь жадой мести, – Антия попыталась улыбнуться, но улыбка не коснулась темных глаз. – Триана, милая, ты не хочешь пойти в свою комнату? Мне нужно найти Алариса, но оставлять тебя здесь одну я не хочу.

Я лишь молча кивнула, охотно отправившись в свои покои, не испытывая ни малейшего желания разговаривать с кем бы то ни было.

Оставшийся день пролетел как один час: я безучастно пролежала в кровати, рассматривая тяжелый полог. Моя голова сейчас казалась ничуть не легче: она гудела и раскалывалась от раздиравших ее мыслей и сомнений. Прошедшая ночь, подарившая столько удивительных эмоций и, одновременно, заронившая в сердце тоску и отчаяние, нападки Иризи и последовавшая за ними новость о расторжении помолвки – слишком много событий было для одного дня. И единственным, кто мог облегчить мои метания, был Аларис.

В глубине души, какой-то крохотной и наивной её частью, я надеялась, что он зайдет ко мне. Разум скептически молчал, даже не пытаясь прикладывать усилий для развенчивания этой совсем невероятной иллюзии.

Время шло, вампир так и не появился, как и отсутствовавшая Антия. Выходить наружу не хотелось мне самой, интуиция подсказывала, что дело нечисто, и лишний раз мелькать посреди недовольных вампиров не лучшая идея.

Тем временем, за окном сгустились тучи, в воздухе отчетливо ощущалось напряжение перед грозой.

Я успела забыться беспокойным сном, когда оглушительный разряд молнии сотряс замок. Моментально пробудившись, я с тяжело бьющимся сердцем наблюдала, как дверь в мои покои распахнулась. На пороге весь в черном, словно ангел мщения, едва различимый в полумраке комнаты стоял Аларис. На мгновение мелькнула мысль, что я все еще сплю, и все это мне снится.

Окинув цепким взглядом комнату и на секунду остановившись на мне, мужчина резко развернулся, задвинул тяжелый засов на двери. Это поведение было настолько непривычно для вампира, что я почти уверилась в своем предположении.

Он замер у двери, тяжело дыша, словно преодолел большое расстояние бегом, или же что его душило волнение такой силы, что даже такой привычная броня ледяного равнодушия мужчину не спасала.

Я, все так же ничего не понимая, привстала с кровати, краем уха отмечая странный шум, идущий со стороны коридора.

– Аларис... – впервые обратилась к нему по имени, решив, что если это сон, я могу хотя бы здесь позволить себе эту маленькую слабость. – Что происходит?

Он, продолжая стоять у самой двери, неторопливо повернулся и взглянул на меня. Помедлив секунду, мужчина медленно прошептал непривычно хриплым голосом:

– В замке бунт. Большинство вампиров требует, чтобы я уничтожил тебя.

Я пораженно замерла на месте, пока эти страшные слова доходили до моего рассудка. Горестное осознание, что это – не сон, обрушилось на мою голову подобно ушату ледяной воды.

А следом за ним пришло... смирение?

Ничего другого и не могло быть. Я просто придумала для себя романтическую историю, в которой враг прельщается своей пленницей, и дальше их ждет будущее, в котором оба из них будут живы и станут бороться за свои чувства. Но реальность не имеет к этому ни малейшего отношения. Это единственно возможный выход для всех... и для меня в первую очередь. Для моей души, для моей гордости, для моей любви, у которой нет права на существование.

Взвесив про себя каждое слово, я медленно поднялась с кровати и, под прицелом внимательного взгляда вампира, столь остро ощущаемого даже в темноте, приблизилась к нему. Замерев от него так близко – на расстоянии вытянутой руки! – но вместе с тем так невозможно далеко, отделенная разным происхождением, верой, чувствами, которых у него не было, я прошептала, подняв голову.

– Я все понимаю. Так надо. Единственное, о чем я тебя прошу, – сделай это нежно, – при этих словах на глаза навернулись непрошеные слезы, но я, нетерпеливо смахнув их с рес-

ниц, упрямо продолжила, слегка повысив голос, выделяя каждое слово: – Убей. Меня. Нежно, Аларис.

Потянулись секунды, наполненные томительным ожиданием. Шум за дверью нарастал, начали раздаваться глухие удары, словно с той стороны кто-то пытается пробить толстое дерево. Я боялась вдохнуть, и тем самым нарушить напряжение, разлившееся в воздухе.

На миг его невозмутимое лицо скривилось в гримасе боли, пальцы сжались в кулаки. Внезапно он одним резким движением швырнул меня на кровать, тут же упав рядом. Я зажмурила глаза, боясь показать ему, насколько мне страшно. Почему жизнь устроена так несправедливо? Почему в момент, когда смерть приветливо улыбается тебе и распахивает свои объятия, ты внезапно осознаешь, насколько не хочешь уходить?..

В этот момент зубы вампира резко впились в тонкую кожу на моей шее, вызвав острую вспышку боли. Я, вытянувшись струной, замерла, ожидая, когда наступит спасительная темнота и сознание окончательно меня покинет.

Однако, казалось, прошла целая вечность, когда тихий и словно торжествующий голос мужчины нарушил тишину, прерываемую усиливающимися ударами в дверь:

– Открой глаза, Триана. Посмотри на меня!

Не в силах ослушаться, я осторожно приоткрыла глаза, чувствуя, как от раны по всему телу начинает распространяться странное онемение. Вампир пристально смотрел на меня, в глубине его глаз светилось незнакомое чувство, наполнившее мою душу странным ощущением надежности и правильности происходящего.

– Ты не умрешь. Через три дня ты уже будешь одной из нас.

В полузабытье, чувствуя, как на меня уже накатывают волны приближающегося беспомыслия, я из последних сил приподнялась, чтобы задать ему один-единственный вопрос:

– Почему?..

Мне не было нужды договаривать, ведь он сам мог прочесть окончание вопроса в моих распахнутых от удивления глазах.

Мир замер, мгновение растянулось подобно часу. Краем глаза я видела, как в стороне отлетает дверь, открывая мигом замолчавшую толпу вампиров во главе с Иризи. Неимоверным усилием я повернула голову, чтобы увидеть, как злорадство на лице вампириши сменяется отчаянием, когда она услышала ответ Алариса, прозвучавший в тишине комнаты, подобно раскату грома:

– Потому что я тоже тебя люблю...

И это было последнее, что я услышала, окунаясь в прохладную спасительную темноту...

Глава восьмая

Темнота...

Рваные обрывки воспоминаний ускользали от плывущего сознания, временами слышался далекий голос, произносивший мое имя, но сил, чтобы пошевелиться или хотя бы раскрыть глаза просто не было.

Казалось, я застряла в темной вязкой паутине, которая, не желая отпускать, крепко спеленала меня нитями сна. Где-то на краю сознания билась тревожная мысль, словно пытаюсь сказать, напомнить о чем-то очень важном, но очередная волна обволакивающей пелены дурманила и зачаровывала, вновь и вновь растворяя в своей вязкой сущности. Время словно остановилось. Нет, скорее здесь, в этой беспросветной бесконечности, просто не существовало такого понятия. Единственное, что было, – это пустота. Она господствовала в каждом уголке моего тела, моего разума, лаская, контролируя, подчиняя.

Не знаю, сколько прошло времени, когда в глубине моего тела зародился маленький островок тягучей боли, который постепенно начал нарастать, заставляя оцепеневшие мышцы сокращаться в судорожных конвульсиях. Вдруг тело пронзила острая вспышка боли такой силы, что заставила одеревеневшее тело содрогнуться и вырваться из объятий удушающей темноты.

Я распахнула глаза, мгновенно приходя в себя. Знакомая комната, которая уже успела стать родной, моя собственная постель. На секунду мелькнула предательская мысль – может, все случившееся было лишь сном? Но нет, все мои обострившиеся чувства буквально кричали о том, что сознание упорно отказывалось принять: теперь я не человек.

Я неподвижно лежала на огромной кровати, оглушенная и раздавленная шокирующей реальностью, пытаюсь смириться с тем, что дверь в прошлое окончательно захлопнулась, и теперь ничто меня не связывает с той наивной романтической девочкой, которой я когда-то была.

Но то, что ожидало меня впереди, настораживало и тревожило: я никогда даже не представляла себе такого поворота событий, до последнего считая, что у наших с Аларисом отношений нет будущего. Его слова, произнесенные в последние секунды моей человеческой жизни, до сих пор казались чем-то необъяснимым и волшебным: разве мог вампир, обладающий всем, что только можно пожелать, полюбить меня – ничем не примечательную человеческую девушку? Даже теперь от одной только мысли, что его слова – правда, внутри разливалось блаженное тепло, а душа ликovala: «Он любит, любит, любит!».

Увлечшись мыслями об Аларисе, я на минуту забыла обо всем и даже о своей новоприобретенной сущности, однако когда первое радостное возбуждение схлынуло, я не могла не задаться вопросом, почему его нет рядом со мной. И в этот момент я услышала, как далеко в коридоре начали раздаваться приглушенные шаги: они становились все громче и громче по мере приближения источника шума к двери моей комнаты. Но определенно это был не Аларис – спутать его шаги я не смогла бы ни с чьими другими.

Через пару мгновений дверь осторожно приоткрылась, и в образовавшийся проем осторожно заглянула прекрасно знакомая мне хрупкая брюнетка, через плечо которой была небрежно перекинута длинная коса.

– Триана! – обрадованно начала Антия, а это была именно она. – Как же я рада, что ты наконец-то пришла в себя! Я уже начала волноваться: обычно превращение занимает не больше трех дней, но с тобой прошла уже неделя, а никаких изменений не происходило, – не прекращая говорить, она грациозно пересекла комнату, а затем внезапно склонилась ко мне и порывисто обняла. Я неуклюже обняла ее в ответ, чувствуя себя смущенно. – Я так давно

хотела это сделать! Но ты была такой хрупкой, что я боялась причинить тебе боль. Какое облегчение, что все сложилось именно так!

В эту минуту я никак не могла разделить её восторг. Словно уловив все мои сомнения, она, помедлив, немного отстранилась и, внимательно глядя в глаза, произнесла:

– Триана, я могу представить, что ты себя сейчас чувствуешь не лучшим образом, однако, все образуется! Поверь, это был наилучший выход, и я очень рада, что брат сумел сделать правильный выбор. Понимаю, что сейчас ты, возможно, не согласишься со мной, но я верю, что со временем ты все поймешь. И примешь. А я буду делать все, чтобы это произошло как можно скорее! – закончив эту эмоциональную речь, обычно сдержанная в проявлении чувств широко улыбнулась.

– Антия... – я помолчала несколько секунд, собираясь с мыслями. Как странно было слышать звучание своего голоса – нет, наверное, он ничуть не изменился, но вот мой слух... Он определенно стал острее, я начала слышать то, что прежде даже не различала. – Мне сложно привыкнуть к осознанию того, что я больше не человек. И даже не вампир. Честно говоря, меня пугает то, что мои познания в этой области поразительно скудны. Я ничего не знаю о мире, частью которого мне пришлось стать.

– Как раз для этого я с нетерпением ждала момента, когда ты придешь в себя. Признаюсь, я часами сидела возле тебя и даже несколько раз звала тебя по имени – знаю, ты сочтешь это нелепым, но мне казалось, что ты меня слышала! – Антия потупила взгляд, однако улыбка не позволяла всерьез воспринять ее виноватый тон.

– Так это была ты? – я постаралась скрыть свое разочарование за немного растерянной улыбкой – Я действительно слышала чей-то голос, – увидев понимающее лицо вампириши, я решила не скрывать от нее правды и призналась, слегка помрачнев: – Я почему-то думала, что это был Аларис. Где он? С ним все в порядке? Что стало с бунтом? – внезапно вспомнив все обстоятельства, ставшие причиной моего превращения, я засыпала собеседницу сбивчивыми вопросами.

– Тише, тише, Триана, все в порядке, бунт подавлен. Иризи выслана из дворца, – при этих словах лицо Антии омрачила тень плохо скрываемого беспокойства, но спустя пару секунд она справилась с собой и, улыбнувшись как ни в чем не бывало, продолжила: – Но давай не будем поднимать сейчас эту неприятную тему. Я приготовила для тебя кое-что гораздо интереснее. Вставай скорее, будем знакомиться с новой блистательной Трианой!

Признаться, от ее предвкушающего тона мне захотелось с головой укрыться толстым одеялом и никогда из-под него не выглядывать. Но понимание, что я должна, наконец, взглянуть правде в глаза, отрезвило и заставило испытать благодарность к этой девушке, которая за небольшой срок сумела стать другом. Другом, которого у меня никогда не было, но о котором я мечтала с самого детства. Поэтому я лишь слабо улыбнулась в ответ на ее слова и, зажмурившись, спустила ноги с кровати, чувствуя, как странно теперь ощущается окружающий мир, и сделала неуверенный шаг к большому зеркалу у противоположной стены...

Она была незнакома. Ровная кожа, нежный овал лица, чуть припухшие розовые губы, облако каштановых волос, спадающих по спине. Я ошеломленно стояла перед отражением, не смея даже на секунду поверить в то, что эта незнакомка и я – одно целое. Снова и снова я вглядывалась в зеркало, пытаясь убедить себя, что это не может быть правдой, но каждый раз, сталкиваясь с неверящим взглядом алых глаз и находя в них отражение своих собственных чувств, убеждалась: это действительно я.

Удивительно, насколько превращение изменило мою внешность. То, что прежде выглядело как незаконченные мазки торопливого художника, сейчас сложились в единую гармоничную картину, и я приходила в смущение при мысли, что стоявшая по ту сторону отражения недоверчивая красавица теперь и есть я.

Не знаю, сколько могла бы еще стоять у зеркала, но у вампириши, все это время хранившей понимающее молчание, закончилось терпение.

– Ну, что ты скажешь? – с чуть угадываем страхом в голосе произнесла Антия, наблюдая за мной со стороны.

– Я... я... не знаю даже, что сказать. Это не могу быть я. Эта девушка... Она такая... Я хочу сказать, она выглядит словно... – отчаявшись подобрать нужное слово, я запнулась и, повернувшись к Антие, с мольбой взглянула на нее.

Рассмеявшись звонким смехом, похожим больше на перезвон колокольчиков, вампириша подошла ко мне и, успокаивающим движением взяв за руки, вновь развернула к зеркалу.

– Смотри Триана, смотри на свое отражение и не сомневайся. Это ты.

И я смотрела в зеркало и видела двух совершенно непохожих прекрасных девушек, стоявших рука об руку.

В этот момент Антия с досадой воскликнула, обращаясь ко мне:

– Боже, Триана, у меня совсем вылетело из головы, что ты голодна! Пойдем скорее в столовую, я все уже приготовила. По пути немного расскажу о том, что тебя интересует.

И только тогда я обратила внимание на странное жжение в горле, которое появилось сразу же после пробуждения. Казалось, как только Антия напомнила, оно начало усиливаться, становясь все сильнее и сильнее, так что игнорировать его стало невозможным. Поэтому я просто кивнула и направилась вслед за девушкой к двери.

– Что же, думаю, что начну свою лекцию о вампирах с того, что посвящу тебя в детали нашей физиологии, – девушка уверенно вела меня по длинному коридору, ни на секунду не прекращая своей речи. Я внимательно слушала, при этом с удивлением разглядывая обстановку: казалось бы, столько раз прежде я бывала здесь, но сейчас словно видела все в первый раз. Разница была просто ошеломляющей: все то, что ускользало от человеческого взора, в один момент ослепило и оглушило меня буйством красок, оттенков, теней, звуков. Словно только теперь я начала видеть и слышать *по-настоящему*. А брюнетка тем временем продолжала:

– Ты удивишься, узнав, насколько на самом деле люди на нас похожи. Да-да, не улыбайся, все так и есть! Не веришь? А зря! В наших жилах течет кровь, сердца, пусть медленно, но все же бьются, нам тоже необходим кислород, пусть и не так часто, но все же нужен. Что еще? Ах да, по ночам мы не спим, но пребываем в пограничном со сном состоянии.

При этих словах я все же не удержалась от удивленного возгласа, на что Антия только утвердительно качнула головой.

– Да, все именно так. Конечно, мы гораздо сильнее людей, у нас лучше развито зрение и обоняние, нас сложнее убить или причинить боль, но в конечном итоге мы отличаемся совсем немногим.

Я изумленно пожала плечами в ответ на ее замечание: в этот момент мы как раз проходили мимо тронного зала, и меня гораздо больше начало волновать отсутствие кого-либо на нашем пути. Обычно здесь постоянно находилось множество вампиров, начиная от простых слуг и заканчивая напыщенными от собственной важности членами высшего совета. Но сегодня во всем замке, за исключением одного крыла, откуда доносились слабые отголоски присутствия там жильцов, царил какая-то подозрительная тишина, и лишь со двора явственно доносились звуки: лязг металла и звон доспехов. Осознав, какие ассоциации мгновенно всплывают в памяти, я остановилась и настороженно прислушалась. Первоначальная мысль была верной: во дворе действительно происходило сражение. Мгновенно успев встревожиться, я все ждала, когда же Антия услышит это и хоть как-то отреагирует, однако когда она, как ни в чем не бывало, продолжила свой рассказ, я не выдержала и напрямик спросила:

– Что за странный шум во дворе? Там явно что-то происходит... Я слышу звуки войны!

При этих словах лицо вампириши помрачнело, она помолчала немного, а затем тихо произнесла усталым голосом:

– Триана, много событий произошло за то время, пока ты проходила превращение. Ты наверняка успела заметить, что в замке практически никого нет. Объяснение этому, увы, крайне печальное: грядет война. И на этот раз с представителями нашей же расы.

– Вампиры? Но почему? – я не смогла сдержать изумленный возглас, вырвавшийся в ответ на ее слова.

Антия лишь скривилась в гримасе отвращения и процедила сквозь зубы:

– Да они лишь ждали повода, любого, и поэтому с радостью ухватились за первый попавшийся.

– И что же им явилось? – я, замирая, задала этот вопрос, заранее предчувствуя, что ответ мне не понравится.

Антия испытующе взглянула на меня, прежде чем с невеселой усмешкой ответить, очевидно, решив, что я в состоянии вынести эту новость:

– Иризи.

Кто бы сомневался! Я так сразу и подумала, что без нее тут не обошлось. Как она сумела это сделать?

Мое молчание было красноречивей десятка слов. Так что Антия поняла и торопливо продолжила, не встречаясь со мной взглядом.

– Она родная сестра предводителя клана Крейц. Прежде, – тут хрупкая брюнетка немного замялась, с осторожностью подбирая слова: – Когда Иризи жила здесь, в замке, и существовала большая вероятность, что она станет здесь хозяйкой, они не смели предпринимать никаких враждебных действий. Но когда после попытки бунта она была с позором изгнана – а уж брат позаботился об этом – на следующий же день они прислали гонца с ультиматумом. Что именно в нем было написано – никто так и не успел узнать, так как Аларис, прочитав его, жутко разозлился и тотчас же сжег послание в камине. После этого было еще одно послание. И вот день назад брат и несколько его доверенных лиц поехали на переговоры – возможно, это последняя возможность предотвратить войну. Но все жители уже начали подготовку к войне – воины усиленно тренируются, женщин и детей вывозят в безопасные селения на юге от замка. Я все же надеюсь, что они сумеют договориться... – в этот момент мы как раз подошли к тяжелым дверям, ведущим в столовую, и Антия не закончила предложение, оставив недосказанные фразы витать в воздухе.

Мы вошли в богато убранную комнату с хорошо знакомым пейзажем за огромным окном – не выдержав, я вплотную подошла к нему и, прислонившись лбом к прохладному стеклу, взглянула в самую сердцевину тьмы. Сейчас своим новым зрением, я могла видеть даже сгустки плотного тумана, клубившегося внизу. Казалось, что там, на самом дне черной прожорливой пасти пропасти, есть жизнь; словно тысячи невидимых глаз настороженно следили за мной, скрываясь в густом тумане. Я только собралась окликнуть Антию и спросить, верны ли мои ощущения, как в этот момент своим обострившимся обонянием я почувствовала этот запах.

Запах ржавчины и соли, запах боли и слез. Запах человеческой крови.

Мой желудок непроизвольно начал сокращаться, отчаянно протестуя против такого вида пищи, в то время как горло полностью поглотил беспощадный огонь, выжигающий все внутренности и требующий лишь одного. Я развернулась лицом к столу и увидела на нем два одиноко стоящих бокала, до краев наполненные темно-бордовой жидкостью. Медленно-медленно я подошла к одному из них, осторожным движением взяла его в руки и поднесла к лицу. Запах стал просто невыносимым, меня начало явственно тошнить от одной только мысли, что я должна выпить это. Горло продолжала гореть адским огнем, все тело охватило дикое желание немедленно погасить то пламя, что бушевало во мне. От осознания, что я теряю контроль над

собой, превращаясь в кровожадного монстра, мне в первый раз за последнее время стало по-настоящему страшно. И один только Бог знает, как трудно мне было побороть зверя в своей душе, прежде чем я смогла мужественно опустить бокал обратно на стол и тихо произнести:

– Я не могу это пить.

Антия, все это время молчаливо наблюдавшая за моим действиями, понимающе кивнула головой и ответила:

– Я предчувствовала, что это произойдет. Поэтому и приготовила запасной вариант.

Она хлопнула в ладоши, и в тот же миг в комнату бесшумно проскользнула служанка, держа в руках еще один бокал, но у которого не было такого жуткого запаха. Она осторожно поставила его на стол, и, повернувшись к Антии, опустилась в почтительном поклоне.

Получив разрешение уйти, она тенью проскользнула мимо, даже не взглянув в мою сторону. Но в тот момент я не обратила ни малейшего внимания на откровенное игнорирование с ее стороны, целиком сосредоточившись на собственных ощущениях.

Я осторожно пригубила тягучую алую жидкость, чувствуя, как она быстро успокаивает горящее горло, принося прохладу и чувство насыщения. И только осушив полный бокал и поставив его на стол, я осторожно спросила у Антии, что это было. Она улыбнулась и пояснила, что это была кровь животных. Я вновь прислушалась к себе: жажда, обжигавшая горло, практически исчезла, но на душе было противно и гадко, словно я сама лично только что убила несчастное животное.

Вампирша, мгновенно почувствовав перемену в моем настроении, предложила совершить небольшую экскурсию по замку, а именно – посетить то крыло, где до этого мне было запрещено появляться.

Я с радостью ухватила за эту возможность немного развеяться и перестать себя казнить за этот эпизод в столовой. Да, конечно, разумом я осознавала, что теперь стала кровопийцей, вампиром, но душа... Душа не желала мириться с тем, что теперь мне необходима кровь живых существ. И пусть это была кровь не людей, а животных, чувство вины от этого меньше не становилось.

Мы шли извилистым коридором, на стенах которого неровные тени, отбрасываемые пляшущим светом факелов, сплетались в причудливые узоры, представляя собой немного жуткое зрелище. Антия уверенно вела меня мимо роскошных картин, на которых были изображены надменные вампиры в роскошных одеяниях, и параллельно поясняла, кто из них кем приходился ее семье. Наконец, мы вошли в просторную светлую комнату с горящим камином. Признаться, поход по мрачному коридору оставил тягостное впечатление, поэтому я с радостью огляделась вокруг, отмечая, как здесь красиво и уютно. Давно желая спросить, кто занимался обстановкой замка, я повернулась к подруге, но потрясенно замерла, увидев на противоположной стене огромную картину. Не отрывая глаз от мужчины, женщины и маленького ребенка, изображенных на фоне роскошных покоев, я медленно подошла вплотную к изображению.

Женщина была восхитительна: ее светлые кудри волной спадали на плечи, мягкая улыбка говорила о добром нраве, правой рукой она обнимала своего мужчину, который замер возле нее в оберегающей позе – чуть прищуренный взгляд обманчиво теплых глаз не оставлял сомнений, что в случае опасности он будет сражаться за свою семью до последнего. Но не это потрясло меня. Я стояла и смотрела на непослушные кудри, в которые так уютно зарываться пальцами, на упрямую линию плотно сомкнутых губ, которые так часто беспощадно терзали мои, на уверенный взгляд столь знакомых глаз, пока до меня медленно доходило осознание того, кто был этим очаровательным ребенком. В этот момент сзади раздался голос подруги:

– Это наши родители. Здесь они с Аларисом, ему здесь лет десять, не больше. Анноре в тот момент не было еще и семи, мы с ней тогда капризничали и в наказание отец не разрешил нам позировать. Помню, мама часто нам потом рассказывала, как брат стойчески терпел несколько часов позирования, но под конец не выдержал и... Триана, да что с тобой? Почему

ты так странно смотришь? Ты что, не узнала Алариса? Или... – Антия подошла ко мне и, тихонько посмеиваясь, спросила:

– Неужели для тебя явилось открытием, что вампиры тоже могут иметь детей? Триана, я же тебе рассказывала, насколько мы похожи с людьми, так почему ты так удивлена еще одним доказательством? Ты думала, что все окружающие тебя вампиры обращенные? Нет, среди нас случаи обращения не слишком часты: нужно иметь железную силу воли, чтобы суметь вовремя остановиться и не убить человека.

Я, наконец, пришла в себя, и, выдавив слабое подобие улыбки, прошептала Антие:

– Это все так странно... Еще полгода назад я была убеждена, что вампиры – это бездушные жестокие существа, одержимые лишь жадой крови, а сейчас... Сейчас я сама вампир, хоть и не могу до конца осознать этот факт. Я постепенно убеждаюсь, что все мои старые представления о мире совершенно неверны, а новые никак не желают укладываться в голове. Боже, Антия, если бы ты могла знать, что сейчас творится у меня в душе! Я пытаюсь понять и принять новую сущность, свое место в этом мире, но пока ничего не получается, – под конец я все-таки не выдержала и излила собеседнице все то, что камнем висело на душе.

Она молча подошла ко мне и крепко обняла, позволяя уткнуться ей в плечо и снова почувствовать себя маленькой одинокой девочкой. Память услужливо воскресила забытые воспоминания...

Я стояла перед большими дверями, ведущими в родительские покои, и настороженно прислушивалась к странному шуму, доносившемуся оттуда. Обычно шум был, когда королевская чета ругалась, но отец с Дэйкасом вчера куда-то уехали на несколько дней, кажется, брат что-то говорил про другого короля и прием, который будет устроен в их честь где-то в чужом замке. Он обещал привезти оттуда для меня подарок, и я с нетерпением ждала его возвращения, зная, что он всегда держит слово.

Внезапно двери распахнулись, и на пороге возникла разгневанная молодая женщина, одетая в длинное дорожное платье, не похожее на яркие красивые ткани, которые она обычно предпочитала носить. Королева раздраженно прикрикнула на слуг, выносивших из покоев многочисленные сундуки с одеждой, поторапливая их.

Я быстро нырнула в тень, боясь показаться ей на глаза, опасаясь строгого внушения за подглядывание, но уже было поздно: она заметила меня. Я сжалась в комок, ожидая услышать гневную речь, однако вместо сурового выговора королева внезапно ласково позвала:

– Триана, милая, подойди сюда.

Осознав, что наказания не будет, я с радостью подбежала к ней, и, обняв, с наслаждением вдохнула до боли родной запах: от мамы всегда пахло розами и еще какими-то красивыми цветами, которые специально для нее привозили откуда-то далеко. Она крепко обняла меня, и, нежно укачивая в своих руках, прошептала:

– Милая, мама должна тебе что-то сказать, посмотри на меня.

Я неохотно высвободилась из объятий и взглянула на нее. Вблизи она была еще прекрасней, чем на крохотном портрете, что я тайком всегда носила с собой. Я мечтала, что когда-нибудь стану такой же, как мама, ведь все вокруг говорили, что я – ее точная копия и наверняка вырасту такой же красавицей.

Тяжело вздохнув, королева присела так, что наши глаза оказались на одном уровне.

– Послушай, детка, понимаю, что тебе сложно это будет понять, но я должна хотя бы попытаться. Триана, ты же знаешь, что твоя мама несчастна в этом большом дворце, что она очень скучает по своей родной стране, где всегда тепло и где круглый год цветут маминны любимые цветы, да, милая?

Я серьезно кивнула на ее слова: мама с папой часто ссорились, и в такие моменты она всегда кричала, что мечтает повернуть время вспять и никогда его не встречать. Правда, я не очень понимала, что она хотела этим сказать, но ведь в итоге они все равно мирились, и я

знала, что она очень любит нас с братом. Спросить об этом напрямик мне никогда не приходило в голову, ведь никто из них не знал, как часто я становилась свидетельницей этих ссор. Я пряталась от нянек под большим столом, ожидая, когда мама освободится от дел и можно будет посидеть у нее на коленях, и всегда слышала, что происходило за дверями королевских покоев, когда там не стояло охраны.

– Триана, мама больше не может выносить все это. И поэтому мама должна уехать далеко-далеко.

– Уехать? – мои глаза моментально наполнились слезами от этого страшного слова. – Но я не хочу никуда уезжать! Я люблю свою комнату. И Дэйкас тоже не захочет, он ведь хочет стать королем, как папа.

Я не понимала, почему мама так странно нахмурилась при моих словах.

– Триана, я так давно ждала, пока вы повзрослеете, чтобы убедиться, что с вами все будет хорошо. И сейчас вы с братом уже достаточно взрослые, чтобы понять, что ваша мама тоже хочет быть счастливой.

– А разве ты не счастлива с нами? – я все еще не могла понять, что же она хочет сказать.

– Милая, я чувствую, как серость и промозглость этого замка поглощают меня, – мама прикрыла глаза, останавливая себя на полуслове. А когда открыла их, на меня смотрела королева. – Когда-нибудь однажды ты сумеешь меня понять, я верю.

– А мы? Ты уедешь без нас? – я почувствовала тревогу, осознав, наконец, что до меня пытались донести сейчас.

Женищина тяжело вздохнула, и, бросив быстрый взгляд в окно, проговорила:

– Поверь, я очень бы хотела взять вас с собой, но не могу. Ваш папа нас всех так просто не отпустит.

И только сейчас я испугалась по-настоящему.

– Мама, мамочка, пожалуйста, не уезжай! – изо всех сил я вцепилась пальцами в жесткую ткань дорожного платья мамы. – Обещаю, я буду самой хорошей принцессой на свете, я никогда не буду больше расстраивать тебя, я обещаю! – я начала громко всхлипывать, соленые капли скатывались прямо на мою любимую куклу, которую я отчаянно прижимала к себе.

– Триана! Взрослые девочки не плачут, я тебе уже говорила! Тем более принцессы! Ты же не хочешь, чтобы мама плакала?

Я сквозь слезы быстро-быстро покачала головой, показывая, что я помню все уроки, что я уже – самая послушная и правильная девочка, что меня не надо оставлять.

– Вот и умница. Однажды я обязательно приеду за тобой, если ты будешь вести себя хорошо. Не спорь с отцом, слушайся его и брата, не носись по замку и не играй с дворовыми детьми. Ты – будущая королева, всегда помни об этом. Обещаешь? – я отчаянно закивала, надеясь, что мама смягчится и передумает уходить.

Королева встала, расправила платье, на мгновение скрылась в комнате, а затем вышла оттуда, накидывая на плечи накидку. Я подбежала к ней, вцепилась в платье руками и ногами, не желая отпустить.

– Мамочка! – не забываясь о том, чему меня учили, я ревела во весь голос.

– Триана, мне пора. Помнишь, ты говорила, что не хочешь, чтобы твоя мама плакала – так отпусти меня, потому что здесь я буду несчастна всегда. А твоя мама заслуживает счастья.

Она еще раз крепко обняла меня на прощание, а затем, кивнув кому-то за моей спиной, сказала:

– Отведите ее в комнату, и не выпускайте, пока карета не отъедет.

Я кричала и вырывалась, пока чужие руки несли меня в комнату, но все попытки вырваться были бесполезны. Как только на двери защелкнулся замок, я бросилась к высокому окну; изо всех сил вытягивая голову, я старалась увидеть карету, стоящую у дворцового крыльца. Наконец, мне удалось увидеть знакомую фигуру, выходящую из парадных дверей.

– Мама! Мамочка! Не уезжай! – кричала я сквозь глухие рыдания, слезы градом скатывались по щекам.

Но высокая фигура в длинном платье так и ни разу не оглянулась. Я кричала и кричала, пока у меня не охрип голос, и из груди не начали вырываться сдавленные хрипы. И в этот момент карета медленно тронулась с места, постепенно набирая скорость, пока не превратилась в маленькую черную точку на горизонте. А я все продолжала сквозь слезы шептать слово «мама».

Я вынырнула из омута тяжелых воспоминаний только тогда, когда Антия осторожно прикоснулась к моему плечу, взглядом спрашивая, все ли в порядке. Я лишь слабо улыбнулась ей в ответ, поражаясь, как некстати память решила напомнить о старой ране.

– Все хорошо, – я не хотела рассказывать ей об этом, то, что произошло тогда, в далеком детстве, было слишком личным. И слишком болезненным. Я не говорила о случившемся ни с кем, даже с братом. Они с отцом узнали все сами, вернувшись из поездки недель спустя. Король был в бешенстве, я точно помню то темное время, когда ему на глаза было страшно попадаться, при виде меня он становился обезумевшим, и все детство я не могла понять, в чем была моя вина. Лишь став старше я осознала, что все дело крылось во внешности – в том, что я была слишком похожа на предавшую его королеву. Но вся моя любовь к отцу к тому времени была задушена на корню.

Антия понимающе улыбнулась, а затем, с непохожим на свою обычную манеру говорить лукавством произнесла:

– А у меня для тебя есть сюрприз! Надеюсь, он поможет тебе поскорей прийти в себя и освоиться здесь.

Я заинтересованно взглянула на нее и поинтересовалась, впрочем, не слишком-то веря ее словам. Едва ли в этом мире нашлась бы вещь, способная сейчас отвлечь меня от невеселых размышлений.

– И где же он?

– Он ожидает тебя в гостиной. Иди, я не буду мешать.

Слегка удивившись, я все же послушно двинулась в указанном направлении, удивляясь, насколько быстр и легок мой новый шаг. На то, чтобы пересечь комнату требовалось всего одно-два мгновения, и теперь я не удивлялась тому, как вампирам удается покрывать такие огромные расстояние пешим ходом.

Не дойдя несколько шагов до дверей, я замедлила ход, почувствовав чье-то присутствие в комнате. Медленно потянув массивную ручку на себя, я замерла, стоя на пороге.

На фоне пылающего камина выделялся до боли знакомый силуэт. Мужчина медленно повернулся ко мне, расплываясь в прекрасно знакомой улыбке. Мгновенно узнав его, я распахнула дверь и бросилась к нему...

Глава девятая

Я наслаждалась крепкими объятиями брата, на секунду словно вновь оказавшись в детстве: так часто я прибегала к нему, в очередной раз получив несправедливое наказание от отца. И каждый раз он ласково обнимал меня, и все горести отходили на второй план, уступая место безграничному обожанию, которое я всегда испытывала к Дэйкасу. И сейчас, глядя в родное лицо, я вновь почувствовала, как меня наполняет нежность и любовь к тому, кто всегда был для меня самым близким существом на свете. Да, он больше не человек – как и я. Мы получили возможность начать наш путь заново в другом мире, гораздо более суровом и живущим по другим законам, нежели человеческий. Но мы по-прежнему были друг у друга – это ли не счастье?

Брат немного отодвинулся, и, не размыкая объятий, оглядел мое лицо и восхищенно прошептал:

– Сестренка... Как же я скучал! А ты ничуть не изменилась.

Я без слов посмотрела на него в ответ, изогнув бровь.

– Я всегда говорил, что ты исключительно красива, помнишь?

Не выдержав, я засмеялась вместе с ним, вспомнив тот момент.

Мне было двенадцать, и я, как большинство девочек в этом возрасте, очень стеснялась своей внешности. Как назло в тот день ожидалось послы из соседнего государства, с которым отец очень хотел породниться. К сожалению, у тамошнего короля дочерей не было, зато был единственный сын. Будущему наследнику к тому моменту едва исполнилось четыре года. Но, как это часто бывает, ни моего, ни его отца это ничуть не смутило.

Узнав от болтливой служанки о планах отца, я пришла в ужас. Заключить помолвку с сопливым мальчуганом, а потом ждать с десятков лет, пока он повзрослеет – что могло быть хуже? Расплакавшись, я стремглав выбежала к выходу из замка, решив спрятаться в королевском лесу. Но координация вновь меня подвела: споткнувшись на скользких ступенях, я не удержалась и с головой рухнула прямо в осеннюю слякоть. Застонав от унижения, медленно поднялась и оглядела себя: платье было безнадежно испачкано, грязная вода стекала потоками с подола, руки были в вязкой жиже. Тяжело вздохнув, я приняла решение вернуться в комнату и быстро переодеться, пока меня никто не заметил. Крадучись, я уже практически дошла до своей комнаты, как вдруг увидела большую торжественную толпу, шедшую прямо мне навстречу. Я попыталась спрятаться за углом, но было поздно: меня заметили.

Услышав грозный оклик отца, призывающий меня выйти, я, опустив голову, послушалась и предстала перед ними как была: в мокром платье, с разводами грязи на лице и руках. На миг воцарилась полнейшая тишина, а затем раздалось тоненькое испуганное детское всхлипывание, переросшее в мощный рев, как только я подняла голову и посмотрела на источник шума: на руках у высокой дородной женщины сидел щупленький карапуз, сжимающий в руках сладкий леденец. Увидев, что я смотрю прямо на него, будущий король расплакался еще сильнее и громко на весь коридор прорыдал: «Какая страшная!». Надо ли говорить, что помолвка не состоялась? Тем же вечером Дэйкас долго утешал меня, доказывая, что я очень красива, просто еще ничего не понимаю в женской красоте, в отличие от него самого...

– Триана, – брат усадил на диван, сев рядом. С его лица сошла улыбка, и теперь стало заметно, что он изменился. Черты его лица потеряли былую мягкость, заострившись, на дне взгляда горел хищный огонек, живо всколыхнувшийся в памяти цвет алой крови. – Мне так много нужно тебе рассказать, но сначала я должен извиниться. Мне так...

– Шшш, – я остановила его объяснения, коснувшись широкой ладони. – Не надо, я все понимаю. Мне самой было ужасно трудно перебороть себя в первые минуты.

– Но я чуть было не совершил самого страшного! Боже, – он с силой сжал кулаки. – Когда я пришел в себя и понял, что произошло, я...

Дэйкас спрятал лицо в ладони, как он позволял себе делать раньше лишь в моем присутствии, и от этого жеста в глубине души всколыхнулось узнавание: какими бы иными не стали черты его внешности, внутри он по-прежнему тот же, кем был.

– Триана, ты моя семья, единственная, кто остался. И то, что произошло тогда в комнате... Я словно обезумел, разум кричал: «остановись!», но неведомая сила будто тащила меня на поводке, заставляя повиноваться. Наверное, мне никогда не забыть об этом...

– Все хорошо. Теперь хорошо, – я выделила первое слово. – И мы вместе. Мы справимся с чем угодно.

Я ласково прикоснулась к его ладоням, вынуждая посмотреть на меня: – Дэйкас, послушай меня. Я ведь успела попрощаться с тобой, я думала, ты не выжил. Это было самое ужасное время за всю мою жизнь. И обрести тебя снова было подобно чуду. Потому неважно все, что было в прошлом. Забудь об этом и давай просто жить дальше.

Брат снова обнял меня и искренне проговорил, радуя столь знакомой широкой улыбкой:

– Спасибо за то, что не отвернулась от меня. Я не знаю, как жил бы, не прости ты меня.

Я улыбнулась ему в ответ и неожиданно для самой себя предложила:

– Давай выйдем наружу? Здесь же есть, где можно просто прогуляться? Нам так много нужно друг другу рассказать.

Брат улыбнулся и с энтузиазмом ответил:

– Прекрасная мысль! Пойдем.

Не выпуская моей руки, он уверенным шагом двинулся к выходу. Я с радостью следовала за ним.

В первый раз за все время моего пребывания здесь, я оказалась за стенами замка. С наслаждением вдохнув свежий воздух, огляделась: царила поздняя весна, все вокруг уже давно пробудилось от зимней спячки. Ветки деревьев налились почками, радостно щебетали птицы, и от этой картины становилось так легко на душе, словно все трудности и невзгоды остались позади.

Надо же, еще неделю назад мне казалось, что жизнь кончена, что в ней не осталось ничего светлого, а сейчас в этот самый миг я была счастлива. Счастлива от того, что люблю и любима; что тот, кого, казалось, я бесповоротно и окончательно потеряла, снова со мной.

В этот момент мы подошли к большой резной беседке, стоявшей в окружении розовых кустов. Я на секунду представила, как, наверное, здесь красиво поздними летними вечерами, когда нальются пышными бутонами цветы, в воздухе разольется аромат лета, приправленный запахами цветущих растений, тепла, солнца... Как здорово будет сидеть здесь и наслаждаться всем этим вместе с *ним*... Я мечтательно улыбнулась своим мыслям, пообещав в душе обязательно воплотить их в жизнь.

Я повернулась к брату, с любопытством спросив:

– Ты часто здесь бываешь?

Он немного, помолчав, грустно улыбнулся и промолвил:

– Сюда я прихожу только в особенные минуты. Так было после обращения, и после того, как чуть было не убил тебя.

Я постаралась увести его мысли подальше от печальных воспоминаний:

– Расскажи, как ты оказался в этом месте. Если бы ты знал, что я испытала при известии о твоём исчезновении! Наверное, именно с этого момента я и начала творить глупости...

Он подошел ко мне, ласково провел рукой по моим волосам, и, притянув ближе к себе, начал негромко рассказывать, мгновенно становясь серьезным:

– В тот день ожидалось большое сражение. На военном совете было решено не тянуть и наступать первыми. Я был против этого решения, осознавая, что у нас недостаточно сил для

решающего сражения, но меня никто не слушал. Как позже оказалось, это была заранее спланированная ловушка: особого сопротивления противник не оказывал, заманивая нас подальше от укрепленных позиций. А когда мы опомнились, было уже поздно: нас окружили внезапно возникшие словно ниоткуда сплоченные отряды врага. Некоторые воины, увидев явное превосходство соперника, испугались и начали отступать. Я приказал не сдаваться и продолжать сражение, надеясь на союзный отряд, который должен был прийти на подмогу. Но время шло, а подкрепления все не было. Я сражался в первых рядах, когда в отдалении увидел Алариса. Он сражался необычайно мастерски, с легкостью одерживая верх над самыми умелыми воинами. Поняв, что это их лидер, я поспешил туда. К несчастью, к тому моменту, когда я смог, наконец, разобраться со своим противником, почти все мои друзья уже полегли от его руки, – на лице брата, в момент когда он рассказывал о тех, с кем дружил с самого детства и кого потерял в той самой битве, было так много боли, что я, не выдержав, крепче сжала его руку и горячо зашептала:

– Не надо, не вспоминай! Если это причиняет так много страданий.

Но Дэйкас, словно и не слыша меня, продолжал свой рассказ, глядя невидящим взглядом куда-то за линию горизонта:

– Мы сражались с ним до последнего. Не знаю, как долго это продолжалось, но я не замечал ничего вокруг – время словно остановилось. Силы начали покидать меня, все чаще и чаще приходилось защищаться, а не нападать, пока, наконец, его рука не оказалась на моем горле, – брат вымученно улыбнулся, и я бы многое отдала, лишь стереть бы с его лица это выражение! Он не должен был страдать, только не он!

– И что было дальше? Ведь он должен был убить тебя? – тихо произнесла, когда стало ясно, что брат не станет продолжать.

– Должен был. Но в этот момент словно расступились небеса, и появилась она... – внезапно Дэйкас улыбнулся, и эта светлая улыбка сказала куда больше слов. Я поняла, что речь шла о воинственной вампирше Анноре. – Она мгновенно оказалась рядом и что-то сказала своему брату. Тот кивнул ей и не стал меня убивать. Вместо этого он отдал мгновенный приказ своим воинам, и один из них оглушил меня сзади чем-то тяжелым. Очнулся я уже здесь.

Я не стала расспрашивать Дэйкаса, когда именно и как произошло превращение, чтобы не расстраивать или смущать его. Вместо этого, удивившись самой себе, я попросила:

– Расскажи мне о Анноре.

При упоминании знакомого имени в глазах брата зажегся незнакомый прежде огонь, и я даже ощутила, как крохотная игла ревности кольнула сердце. Никогда прежде он не был кем-то увлечен с такой силой.

– Она прекрасна, – проговорил он с такой интонацией, что, будь он по-прежнему человеком, наверняка бы покрылся краской смущения, как какой-нибудь юнец. – Огненная, опасная, бесстрашная. Я никогда не встречал раньше подобных ей: все женщины смущались и трепетали, стоило заговорить о войне, но только не она. Да и она сама – воин, притом преотличный, мне уже довелось видеть ее в действии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.